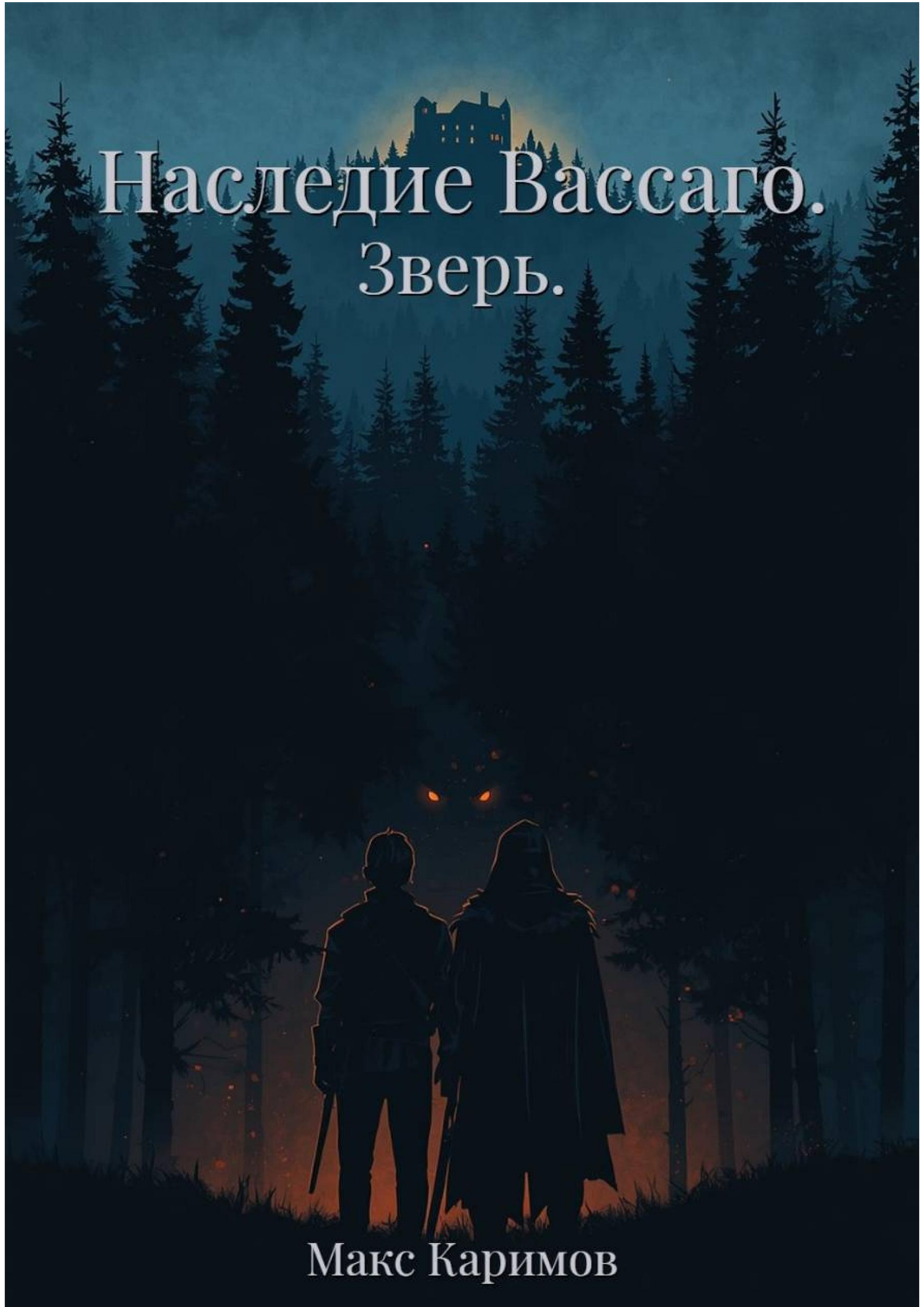

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a forest at night. In the distance, a large, multi-story castle or manor house is perched on a hill, its windows glowing with a warm light. In the foreground, two figures stand with their backs to the viewer, looking into the forest. The figure on the left is wearing a dark jacket and holding a long, thin object, possibly a sword or a staff. The figure on the right is wearing a dark, hooded cloak. In the center of the forest, between the figures and the castle, a pair of glowing orange eyes is visible, staring out from the darkness. The overall mood is mysterious and ominous.

Наследие Вассаго. Зверь.

Макс Каримов

Макс Каримов

Наследие Вассаго. Зверь

«Автор»

2026

Каримов М.

Наследие Вассаго. Зверь / М. Каримов — «Автор», 2026

В княжестве Нивельстор одно за другим находят растерзанные тела. Молва винит оборотня, церковь — кару за отступничество от новой веры. Юный лорд Аксель Ламберт и его придворный колдун Келлин Рифф отправляются расследовать убийства, не подозревая, что охота на чудовище приведёт их к заговору, в котором замешаны и боги, и люди. Келлин — двоедушник, носитель двух сердец и двух душ. В его правом сердце дремлет Вассаго, древняя сущность, жаждущая поглощать чужую жизнь. С каждым заклинанием Келлин теряет себя, но именно эта тьма может помочь найти правду. Аксель — идеалист, верящий в подвиги и честь, чьи представления о мире разобьются о предательство того, кому он доверял больше всех. «Наследие Вассаго. Зверь» — первая книга тёмно-фэнтезийной трилогии о дружбе и предательстве, о цене магии и о том, как легко светлый герой становится чудовищем.

© Каримов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наследие Вассаго. Зверь

Глава

Наследие Вассаго. Зверь

Часть первая

Глава 1

1330 год. Королевство Гвинердан

Постоялый двор «Северный проход»

Яркой лентой молния разрезала чёрное небесное полотно, а следом за ней грянул оглушительный гром. Дождь хлестал, будто остервенелый погонщик, что плетью погоняет непослушное стадо. Чернота затягивала всё. Она поглощала последние остатки вечерних сумерек, и лишь жалкий огонёк свечи, трусливо спрятавшейся от непогоды за закрытыми ставнями, корчил из себя ни много ни мало маяк.

На большом торговом тракте, окружённый многовековыми соснами, одиноко томился в тиши постоялый двор. Ни опасности чёрного леса, ни подозрительные люди, что иногда оставались здесь, не могли заставить хозяина этого трактира бросить свой дом. Даже сейчас, когда нехорошее предчувствие закралось в сердце, владелец этого двора размышлял о том, как утеплить крышу до холодов. Осень подходила к концу, ночи становились промозглыми, а дожди поливали так, словно пытались отомстить людям за необыкновенно жаркое лето.

— Ниа! — позвал мужчина. — Убирай всё, — проворчал он, глядя на бушующую непогоду через приоткрытые ставни. — Всё равно уже никого не будет.

В ответ на слова трактирщика в дверь ударили: глухо, всего пару раз, но при этом настойчиво. Старые петли жалобно взвизгнули, умоляя хозяина впустить припозднившегося путника. Трактирщик вздрогнул и, чуть замерев, прислушался к звукам с улицы. Ничего, кроме барабанной дробы ливневых капель, он не расслышал.

Стук повторился.

Хрипло крикнув, хозяин постоялого двора поспешил к двери, подавляя в себе ещё сильнее разыгравшееся чувство тревоги. Откинув увесистый металлический крючок, он распахнул дверь. Вспышка молнии сверкнула на затянутом тяжёлыми тучами небе, а затем гром заглушил слова путника.

— Чего? — переспросил трактирщик, бегло окинув гостя взглядом.

Под капюшоном можно было разглядеть лишь посиневшие от холода губы, возле которых клубился едва заметный пар.

— Места, я спрашиваю, есть? — Голос путника был столь же холоден, как и воздух на улице.

— А-а... Да, есть. Сейчас я прикажу распрячь вашу лошадь, — затараторил мужчина, отступая в сторону, чтобы впустить гостя. — Никас! Никас, пакостливый прохиндей, бегом во двор!

Мальчишка появился будто из ниоткуда и, завернувшись в старую потрёпанную накидку, скрылся во дворе.

Гость прошёл ближе к камину, попутно развязывая шнурок на груди. Сбросив свой плащ, он подвинул лавку ближе к огню и сразу же скинул промокшие сапоги.

Трактирщик нервно сглотнул, заметив на поясе гостя меч. Обычный, ничем не примечательный длинный меч в ножнах, обтянутых посеревшей от времени кожей. Рукоять подходила для хвата обеими руками, гарда была прямой, а навершие представляло собой обычный круг. Но это был меч.

«А где меч, там проблемы», — мысленно напомнил себе хозяин трактира.

Огонь в камине требовал больше дров, угрожая погаснуть в любой момент. Мужчина хотел позвать Никаса, но вспомнил, что мальчишка занят лошадью странного путника. Не

успел хозяин трактира развернуться, чтобы сходить за новой охапкой, как услышал гул пламени.

— А-а!.. — Трактирщик раскрыл рот от удивления. — Ч-что же это? — Щёки мужчины затряслись.

Загадочный гость протянул к камину руку, странно сложив при этом пальцы. Воздух вокруг его кисти подрагивал и переливался, а пламя полыхало так радостно, что, казалось, перекинется на столы и лавки.

— Колдун окаян... — Трактирщик осёкся, не желая провоцировать гостя. — Магия! — прошептал он.

«А где магия, там неприятности, — мелькнули горькие мысли в голове хозяина двора. — И смерть».

Очередной раскат грома заставил трактирщика подскочить на месте. Тихонько пробормотав самые ругательные слова, что он знал, в адрес непогоды, мужчина решил подойти к колдуну.

— Чем угощаться изволите, господин-н... — Хозяин постоялого двора протянул обращение, надеясь, что гость представится.

— Вино есть? — Путник не сводил взгляда с камина.

— Красное, — выпалил трактирщик, глядя на блики, отражающиеся в глазах колдуна.

Мужчина не был уверен, кажется это ему или нет, но цвет зрачков подозрительного постояльца менялся от светло-карего к золотисто-янтарному и обратно. Пламя в утробе камина подхватило эту пульсацию и пыхало жаром с каждым бликом золотистых зрачков.

Хозяин постоялого двора слышал истории, в которых вампиры сверкали в ночи красными зрачками, но цвет золота...

— Тогда мне вина. — Колдун перевёл взгляд на трактирщика. — И чего-нибудь горячего.

— Запечённый гусь почти готов.

— Идеально, — прохрипел колдун, и на его лице мелькнула мягкая улыбка, что, как показалось хозяину постоялого двора, совсем ему не шло.

Этот плащ с капюшоном, чёрная дорожная куртка, бледное лицо, на которое ниспадали давно не стриженные чёрные волосы... Взгляд хозяина двора вновь упёрся в меч, и тут он заметил, что из-под куртки путника выглядывает тоненькая кольчуга. Малюсенькие кольца были сплетены так удачно, что были подвижны, как змеиная чешуя, но при этом сохраняли прочность. Вспоминая своё прошлое в качестве подмастерья кузнеца, трактирщик одобрительно кивнул.

Поймав взгляд мужчины, колдун поправил куртку.

— И хлеба, — добавил он.

— Хлеба, — задумчиво повторил трактирщик, удаляясь на кухню.

«Нечистая сила вкус хлеба не выносит», — вспомнил трактирщик и немного расслабился.

Пока гость ел, хозяин постоялого двора украдкой рассматривал его меч. Много ли мечей он видел? Пожалуй, дважды до этого. У проезжего рыцаря да в кузне. По молодости трактирщик ходил в учениках у ваольского кузнеца, но в итоге как-то не сложилось. Зато в памяти на всю жизнь отложилось, что меч никогда не попадёт в руки простому солдату, — это оружие дворян или особо отличившихся воинов.

«Солдатне на их век хватит и другого вооружения, — говаривал кузнец. — Для них есть гизармы, копыя, палицы».

Но гость не был ни воином, ни дворянином.

В дверь снова постучали. Обычно такой стук радовал хозяина, но сегодня ему хотелось тишины и спокойствия. Однако настойчивый стук этого явно не сулил. Никас, успевший до нитки промокнуть под ливнем, метнулся к двери, не дожидаясь команды отца.

Холодный воздух прошёлся по полу, путаясь в тяжёлых сапогах вошедших воинов. Этих трактирщик всегда узнавал! Не простая солдатня, которую набрали из числа крестьянских сыновей, нет — это была стража какого-то важного человека. Первый среди них остановился, оглядев помещение. От пластин его брони исходил пар, через глазницы закрытого шлема недобро смотрели холодные, словно лёд, голубые глаза. Воин стянул шлем и тряхнул пшеничными волосами.

Трактирщик вскинул брови от удивления. Совсем ещё мальчишка! Лет шестнадцать или около того. Ещё безусый, безбородый, а уже предводитель целого отряда.

— Хозяин, — обратился юноша к трактирщику. Голос его был твёрд и холоден — так же, как и взгляд. — Еды и выпивки для моей дружины... — Молодой воин осёкся, облизнул губы, словно пробуя слова на вкус, и исправился: — Для моих гвардейцев.

— Конечно, мил господин, — закивал хозяин постоялого двора. — Приготовить спальные места для дру... для гвардейцев?

— Да, — немного подумав, ответил юноша. — Сколько есть мест?

— Для тебя, господин, отдельная комната найдётся, а для воинов есть две кровати. Остальных можем разместить в хлеву. Там сено сухое, ветер не задувает, на днях доски обновились. Сколько вас?

Колдун, сидевший всё это время у камина, повёл ухом, прислушиваясь к словам молодого предводителя гвардейцев.

— Шестеро, — ответил тот. — И ещё один с лошадьми.

— Вы, господин, пока погрейтесь у камина, там сейчас... — Трактирщик повернулся к камину и едва сдержался, чтобы не закричать от ужаса.

Вместо черноволосого колдуна на лавке у камина сидел крестьянин: до скукоты обыкновенный мужик со светлыми волосами, стриженными под горшок, да неопрятной бородой. Вместо чёрной одежды и плаща на нём были надеты льняная рубаха да холщовая безрукавка, а на ногах вместо высоких сапог оказались войлочные шоптаники.

— И да, ещё кое-что, — заговорил юноша, не обратив внимания на испуганный вид трактирщика. — Не видел ли ты здесь странного человека? Молодой такой, чёрные волосы, лицо гладко выбрито, одет небедно.

Трактирщик, не моргая, смотрел в глаза юноши и отчего-то не мог выдавить из себя одну простую фразу: «Да вот же он». Слова застряли в горле, язык перестал слушаться, и лишь губы его беззвучно шевелились, пытаясь изобразить речь.

— Ну чего ты мнёшься? — рявкнул юноша. — Видел или нет?

— Нет, господин, — неуверенно сорвалось с губ трактирщика. — Не видал таковых.

Дышать сразу стало легче. Способность складывать звуки в слова вернулась к хозяину постоялого двора, но стоило лишь подумать о том, чтобы выдать колдуна вошедшим воинам, и губы тут же немели.

Решив, что лучше не вмешиваться в дела гвардейцев и колдунов, трактирщик поспешил на кухню, чтобы помочь жене накрыть для важных гостей стол. Вернувшийся мальчишка покрутился возле воинов, с восторгом разглядывая их кольчуги, копья и булавы, а потом и вовсе замер, уставившись на меч, висевший на поясе молодого предводителя.

— Никас! — заругался хозяин постоялого двора. — Не мешай гостям, цыц!

Мальчик послушно кивнул головой и убежал помогать родителям, а воины тем временем сняли с себя отсыревшее под проливным дождём снаряжение, сложили в один угол оружие и, сдвинув столы и лавки, принялись за еду.

— Твоё здоровье, лорд Аксель! — поднял кружку пива один из гвардейцев.

Юный лорд кивнул в ответ, едва сумев выдавить из себя подобие улыбки. Он сделал глоток вина из глиняной кружки — кубков у трактирщика не нашлось — и, выйдя из-за стола, подошёл к камину.

— Сиди-сиди, — сказал он мужику, попытавшемуся встать при виде знатного господина.

Молодой лорд сел на лавку рядом с простым мужиком и устало вздохнул. Блики пламени отражались в пластинах его нагрудника, с мокрых волос по щекам и шее стекали капли.

Заметив в кружке крестьянина вино, Аксель усмехнулся.

— Что, хорошо поработал этим летом и решил позволить себе вина? — насмешливо спросил он, но голос его всё ещё звучал глухо и подавленно. — Лето... — Юноша пожевал губу и покачал головой.

Слова его затерялись среди мыслей и горьких воспоминаний, а кровь отхлынула от лица, придавая юному лорду ещё более изнеможённый вид.

— У тебя были друзья, кмет? — спросил Аксель, повернувшись к мужику. — У меня вот был.

Глава 2

Королевство Гвинердан. Северное княжество Нивельстор

Месяцем ранее

— Да-а-а, — протянул Айбл, — вот теперь тебя можно и женить.

— Так, давай-ка ты прямо сейчас обо всём забудешь, — напрягся Вед и тут же обернулся к третьему участнику сегодняшней пьянки: — Галс, ты тоже.

— Не понимаю, о чём ты, дружище! — хитро подмигнув, ответил парень. — Мы просто сходили в Брауни, чтобы выпить в приличном кабаке, а теперь идём обратно, чистые душой и помыслами. Верно?

— Верно, — утвердительно кивнул Вед и с облегчением выдохнул.

— Но прежде, чем я всё забуду, — хихикнул Айбл, — признайся: ведь хороша?

— Да хороша, хороша, — сдерживая улыбку, ответил Вед. Щёки молодого парня зарумянились, выдавая чувство стыда.

— А чего это? — расхохотался Айбл. — В гостях у Линки ты не был таким скромным!

— Да я что-то перебрал, — попытался оправдать себя Вед, но друзья ничего не хотели слышать.

— Я представляю, какие шлюхи в городе, раз даже в Брауни есть такая опытная баба! — Айбл всё не унимался. — Вот выплатим подать князю Риану, продам излишки — и в Нивельстор!

— По бабам? — спросил Галс, подняв одну бровь. — Оно того стоит?

— Не жениться же, как наш дружок! — хохотнул Айбл. — Ну ничего, теперь мужиком стал — сам свою Анеку чему-нибудь научить сможешь.

— Угу, — буркнул Вед.

— А если нет, то опять сбегаешь в Линке! — Айбл вновь звонко засмеялся, и смех его расплескался по лесу.

Вед замедлил ход, стараясь отстать от шумного друга. Он покрутил головой, как встревоженный пёс, прислушался.

— Парни, — позвал он негромко. — А, хотя ладно.

— Ну что там? — спросил Галс, обернувшись к приятелю.

— Всё, Вед, мужчиной второй раз не становятся, возвращаться не будем! — И снова пронзительный смех зазвучал на всю округу.

— Т-с-с! — поднёс палец к губам Вед. — Слышишь?

— Что? — спросил Галс.

— Будто собака рычит.

Галс прислушался.

— Ничего, — пожал он плечами. — Пошли уже! До деревни ещё идти и идти.

— Угу, — неуверенно протянул Вед. — Я догоню.

Парень развязал пояс, чтобы помочиться, и снова замер, прислушиваясь к звукам ночи.

— Какой красавчик, какой мужчинка! — изображал голос проститутки Линки Айбл. — Вед, давай быстрее!

Айбл запнулся о торчащий из земли корень, но, даже несмотря на то, что был изрядно выпившим, сумел устоять на ногах.

— Ве-ед! — снова позвал он. — Ты там...

Парень обернулся и страх сковал его тело. Он хотел бы закричать, позвать на помощь, взмолиться богам, но из горла вырвался лишь слабый писк.

Что-то уродливое, с клочками серой шерсти на теле и огромным перекошенным ртом держало отставшего парня за горло одной лапой, а второй сдирало кожу с лица. С губ Веда

сорвался сдавленный стон. Чудище зарычало в ответ и со всего маху бросило парня о землю. Затем набросилось на него, раздирая на части, отрывая куски кровоточащей плоти, нанося удары когтями и впиваясь клыками в горло.

— Зверь... — сорвался писк с губ Галса.

А существо тем временем покончило с Вемом. Оно тяжело дышало, понимая, что с этими останками делать уже нечего.

Парни стояли, скованные цепями ужаса, и не могли ни бежать, ни дышать.

— О боги... — прошептал Айбл.

И оно повернулось к ним.

— Зверь, зверь, зверь! — проворчал барон Волек. — Из каждой избы только и слышно, что про этого зверя. Раньше лесорубы работали до самой темноты и не боялись ночевать в лесу. А сейчас что? Эта деляна приносит много золота в казну, князь... — Барон осёкся. — Или теперь правильно называть вас лордом? — уточнил он.

— Давай по-новому, — устало поморщившись, ответил лорд Риан.

Правитель Севера оглядел собравшуюся знать и едва заметно покачал головой.

— Кто ещё хочет высказаться? — спросил он.

— К-хм, — кашлянул представитель купеческой гильдии, прочищая горло. — Милорд, могу я вставить своё замечание?

Князь кивнул.

— Караваны от Гвинерхолла до Нивельстора могут пойти по другому маршруту. Если иднерские пряности повезут по западному тракту, то...

— Да он же не за Север печётся! — воскликнул барон Волек. — Что, боишься, что восточные провинции останутся без товаров с юга? Нам тут без разницы, какой дорогой пойдут купцы. Конечная точка одна — Нивельстор.

— Но представьте, насколько подорожает...

— Тихо! — прервал спор правитель Севера. — Всё сводится к одному: мы должны избавиться от зверя.

— Пошлём охотников! — предложил кто-то.

— И уже завтра у моих ворот будет вонять куча отрезанных волчьих голов, — сказал лорд Риан. — Действовать нужно точно, ошибки непозволительны.

— Но как?

Взгляд наместника скользнул по дверям, но те оставались заперты.

— Народ впадает в отчаяние, — медленно заговорил он. — Простому люду нужен символ того, что всё в наших руках. Что их жизням ничего не угрожает.

За дверью послышались торопливые шаги. В зал вбежал юноша и громко провозгласил:

— К великому князю... Ой! Эм-м... К лорду Риану прибыл примас!

Щека наместника дёрнулась, а слуга вдруг побледнел, вспомнив, что сначала нужно было попросить дозволения, а уже потом объявлять гостя.

«Десять плетей ему помогут», — мысленно проговорил лорд Риан, но вслух сказал:

— Пусть войдёт.

Худошавая фигура примаса возникла в дверях. Верховный жрец церкви поклонился князю и затем повернулся к собравшейся знати.

— Воистину тёмное время настало для нас, — заговорил примас.

Лицо его источало скорбь, а голос звучал подавленно.

— Я верю, что зверь — не что иное, как наказание, посланное нам Солнцеликим Творцом. Ибо на землях Севера процветают порок, ересь и поклонение ложным богам.

Барон Воек нахмурился.

— Этим ложным богам, как выразилось Ваше Преосвященство, — сказал он, бросив презрительный взгляд на священнослужителя, — поклонялись наши отцы и их отцы.

— Король принял ариаст, но веру в старых богов не запрещал, — поддержал барона представитель купеческой гильдии.

— Господа, — сказал примас уже мягче, — я не отрицаю старых богов. Церковь ариаст против того, что исконную веру северян используют в своих целях те, кто противится воле короля и его решению поклоняться Единому Творцу. Люди, не желающие мириться с текущим положением вещей, отрекаются от служения короне, прикрываясь велением Мидны. Они приносят кровавые жертвы Криану, жгут чучела во славу Лириан.

— Вы предлагаете запретить добрую традицию сжигать чучело? — Барон Воек хмыкнул. — Простой народ нуждается в праздниках. Им нужны традиции их предков.

— Старые боги потворствуют колдовству! — возразил примас.

— А чем ведьма отличается от вашего жреца? — Барон Воек оскалился, предвкушая оправдания примаса.

— Тем, что ведьма просит жертву за свою помощь, а жрец помогает людям во славу Творца. — Примас улыбнулся Барону. — Не наши ли жрецы принесли вашей верной супружнице лекарства, когда та носила под сердцем наследника? Не наши ли жрецы принимали роды?

— На Севере не осталось повитух, — буркнул Барон. — Вы всех извели.

— Церковь рада принять под свою защиту любую ведьму, если та поклянётся служить Свету и отречётся от кровавых жертв.

— Довольно! — оборвал спор лорд Риан. — Я пригласил примаса для того, чтобы он помог нам разобраться со зверем. Совир, направь своих жрецов по селениям — пусть наполнят они сердца людей надеждой. А мы... — наместник сжал кулак, — вырежем сердце зверя мечом. Слуга!

Слуга вбежал в зал по первому зову.

— Позови моего сына, — бросил правитель северных провинций. — Для него есть работа.

Правитель подал знак, что собрание окончено, и, когда в зале не осталось никого, откинулся в кресле.

— Ладно, пора с этим заканчивать, — проговорил он едва слышно. — Все фигуры на доске стоят, как надо.

Лорд Риан Ламберт прикрыл глаза, но назойливые мысли ехидно нашёптывали ему о том, что, возможно, принятое решение будет иметь тяжёлые последствия, ведь одна из фигур на доске — его сын.

Глава 3

Его кровь бурлила, подчиняясь зову юного сердца. Он знал, зачем его вызвал к себе отец. Да об этом все только и говорили в последнее время! Та история о загадочных убийствах, о растерзанных телах и жутком вое, что слышали по ночам... Вот он — подвиг, достойный самого Ламберта Первого!

«Что там вернеги, что наёмные убийцы из Остории, когда настоящее порождение тьмы явилось в Нивельстор!» — рассуждал Аксель Ламберт, пока спешил в покои отца.

Юноша пролетел мимо слуг, что сгибали спины в поклонах, но даже не удостоил их взглядом. Эхо шагов разносилось в стенах замка и звучало боевым барабаном, вторя разбушевавшемуся сердцу молодого человека.

Аксель наконец добежал до парных дверей, ведущих в Зал собраний, поправил гамбезон, волосы и, сделав глубокий вдох, вошёл.

— Отец?

Веки лорда Риана распахнулись, и несколько мгновений правитель неотрывно глядел в потолок.

— Аксель, — растерев ладонями уставшее лицо, проговорил лорд Риан. — Есть дело.

— Я слушаю!

Юноша не мог устоять на одном месте. Ему хотелось как можно скорее получить указания, сесть на коня и умчаться навстречу приключениям.

Видя неподдельный азарт в глазах сына, лорд Риан усмехнулся.

— Напомни-ка, как звучит девиз рода Ламбертов? «Лишь подвиг, достойный баллады...»

— «...даст Ламберту право свой герб защищать!» — закончил Аксель. — Так говорил дед.

— Так говорил и дед твоего деда, начиная с Ламберта Первого — Сокрушителя Гор.

— Это был великий воитель, — гордо проговорил Аксель.

— Да, но теперь, когда княжество Нивельстор стало частью великого королевства Гвинердан, мы обязаны добиться чего-то большего, а не просто помнить о подвигах предков. — Лорд Риан испытующе поглядел на сына, желая угадать его мысли.

— Я готов, отец! — воскликнул юноша. — И знаю, что за задание ты мне приготовил. Я справлюсь!

— Хорошо, — кивнул правитель Севера и подошёл к столу, на котором раскинулась карта его владений. — Смотри. Я покажу тебе, где находили тела. Здесь. — Лорд Риан ткнул пальцем в точку, над которой было подписано «Брауни». — Скорее всего, логово зверя где-то в этой местности. Тела находили тут, тут и тут. — Палец прошёлся по отметкам на карте. — Понимаешь?

Аксель закивал, внимательно вглядываясь в карту.

— Если поедешь по старой дороге, то по пути сможешь заскочить в Волчий Лог: там тоже погибло множество людей. Не геройствуй. Сначала убедись в том, что знаешь, где искать чудовище, и лишь потом наноси удар. Сколько человек с собой возьмёшь?

— Отец, я... — Аксель покусал нижнюю губу, отчего та стала розовой и припухла. — Я возьму с собой только одного.

— Ну ещё бы!.. — хмыкнул правитель Севера. — Но, если что, я отправлю тебе в помощь Северную гвардию.

— Да, так будет лучше всего, — воодушевился юноша.

— А этот твой галенариец... — Отец недоверчиво поглядел на сына. — Он действительно так хорош, что ты заменяешь им дружину?

Слуга уже добежал до коридора, ведущего в восточную башню, как вдруг замер, вслушиваясь в эхо собственного дыхания. Аккуратно сделав шаг, юноша внимательно оглядел пол и стены коридора и лишь затем пошёл дальше.

— Прошлого раза мне хватило, — буркнул он, вспоминая, как недавно вступил в начертанную колдуном руну.

Подойдя к массивной двери, ведущей в покои колдуна, слуга замер. Затем резко выдохнул и, трижды постучав, вошёл.

— Эм-м-м, — протянул слуга, осматривая пустую комнату. — Аксель из рода Ламбертов желает видеть придворного колдуна.

— А можно мне титул подлиннее? — прозвучало одновременно со всех сторон, а затем колдун появился прямо за спиной юноши.

Слуга вздрогнул и отскочил в сторону. Не сумев удержать равновесие, он ухватился за медную реторту и повалился на холодный каменный пол, а подняв взгляд, чуть было не взвизгнул: колдун был мертвецки бледен, чёрные вены проглядывали сквозь кожу, переливаясь кроваво-красным сиянием, а зрачки светились золотом. Слуга зажмурился от страха, а когда вновь открыл глаза, увидел колдуна в привычном образе. Это был всё тот же Келлин Рифф: давно не стриженные чёрные волосы, ниспадавшие на лицо, обычные для галенарийца светло-карие глаза, а кожа на лице, хоть и не отличалась румянцем, была уже нормального оттенка.

— Ак-к-сель... — заикаясь, повторил юноша.

— Да слышал я, слышал. — Колдун поморщился и плюнул в стоящую рядом урну. Слюна пенилась кровью. — Иди и доложи Его Сиятельству, что я уже мчусь.

Слуга кивнул и убежал, а Келлин с тоскою посмотрел на старую книгу, что лежала раскрытой на столе, ожидая прочтения.

— Не сегодня, «Трактат о явлениях духов» жреца Кальме, — печально выдохнул колдун, — не сегодня.

Келлин подошёл к двери, но, вспомнив промозглость каменных коридоров замка, вернулся за плащом.

— Холодно, — прошептал он, застёгивая фибулу. — Только бы никуда не пришлось тащиться...

Левое сердце неприятно сжалось, но колдун сделал глубокий вдох, подождал, когда оба сердца станут биться слаженно, и вышел за дверь.

Звук шагов послышался в коридоре замка, их неровный ритм выдавал хромоту идущего. «Топ-шарк, топ-шарк», — звучало там, где шёл колдун.

Тихонько выругавшись, Келлин остановился. Немного размяв поясницу, он выгнулся дугой, похрустел позвонками и продолжил путь.

— Ворожей совсем болезный стал, — прошептала одна служанка другой.

— Мети давай! — буркнула вторая. — А то услышит, наведёт язвы или порчу.

Первая сложила пальцы в защитный жест, направив указательный и мизинец в спину колдуну. Почувствовав щекотку где-то между лопаток, Келлин обернулся. Глаза его сверкнули ядовито-жёлтым блеском, и служанки, заметив это, побледнели. Опустив глаза, женщины продолжили уборку, стараясь не смотреть в сторону колдуна.

— Чур меня, чур, — шептала старшая. — Спаси и сохрани, Солнцеликий!

Келлин Рифф хмыкнул и пошёл дальше. Больше всего ему нравилось пугать слуг, однако делал он это не ради забавы, а лишь для того, чтобы больше не выслушивать их жалобы на здоровье или другие проблемы. Ведь когда колдун только поселился в замке Ламбертов, слуги, узнав о том, что *придворный чародей* силен во врачевании, выстраивались в очередь перед его

дверью. Тут и у скотника крестец простреливал, и у кухарки суставы ломило, и псарь с зубной болью приходил. Но терпение кончилось, когда молодые служанки стали просить погадать на жениха. Первое, что тогда сделал колдун, — поставил защитную руну. А попался в неё юноша, что был на побегушках у князя Риана. Наступив на печать, парень ненадолго потерял способность ориентироваться в пространстве и до самого вечера не мог найти выход из коридора башни. Остальных Келлин отводил похожими способами.

Жизнь в замке давалась колдуну тяжело. Он никак не мог приспособиться ко всему тому, что происходило здесь, среди титулованной знати, где важны не человеческие знания и навыки, а происхождение, герб и фамильное древо. Не мог понять, кому доверять, с кем нужно вести себя естественно, а от кого держаться подальше.

Остановившись у двери своего господина, колдун несколько раз постучал.

— Аксель! — позвал Келлин и толкнул дверь. — К-хм... Ваша Светлость!

— Ой, не надо вот этого! — послышался голос Ламберта.

Келлин вошёл в покои Акселя и заметил, что тот куда-то спешно собирается.

— Ты всё равно до сих пор не разобрался в правилах придворной учтивости, — сказал Аксель, протягивая колдуну руку.

Келлин ответил на рукопожатие и лишь смущённо пожал плечами.

— Раньше было проще, — проговорил он, покачав головой. — Были князь и дети его — княжичи и княжны. Князю служили дворяне, и у них была дружина. А сейчас что? Появился король, а следом за ним — бароны, рыцари и кто-то там ещё. Князья теперь и вовсе именуются лордами. Дружина стала гвардией... — Келлин почесал затылок. — А дальше я вообще запутался.

— Придётся всё же разобраться, — сказал Аксель, похлопав колдуна по плечу. — Моего отца северяне по-прежнему называют князем, а меня — княжичем. Нивельстор совсем недавно стал частью Великого Гвинердана, от этого и вся неразбериха. Если бы ты всегда жил здесь и с детства готовился к служению короне, тебе было бы легче.

— Может быть, — кисло согласился колдун.

— А какие титулы в Галенарии? — спросил Аксель.

— Понятия не имею! — ответил Келлин. — Я не был там уже лет десять. Точно могу сказать, что вся знать там — это, по сути, регулярная армия.

— Галены всегда были воинственным народом. — Аксель смерил взглядом колдуна. — Ты хоть и не воин, но мог бы стать им, если бы присягнул на верность своему королю.

— И всю жизнь провести в казармах? — Келлин выставил перед собой руки. — Нет уж, спасибо!

Аксель усмехнулся и растянул на постели свой начищенный гамбезон. На подставке у окна висела кольчуга, рядом ожидал своего часа меч.

— Когда выдвигаемся? — спросил Келлин, понимая, что Аксель не просто так готовит броню и оружие.

— Завтра утром, друг мой! — Голос Акселя звучал приподнято. — Пора заняться делом, не так ли?

— Хотелось бы подробностей, — проворчал Келлин.

— Бу-бу-бу, — передразнил его Аксель. — Ты старше меня на сколько? Лет на пять, на шесть?

— На восемь, — подсказал колдун.

— Ну, на восемь, а ворчишь, как старый дед. — Глаза юноши заблестели, и голос его зазвенел, словно церковный колокол. — Мы едем убивать чудовище! — Аксель едва не подпрыгнул, радуясь последней фразе.

— А-а-а, — протянул Келлин. — Это о котором сейчас все твердят? Я уверен, что это волк или...

— Медведь, да? — Аксель рассмеялся. — Ну, тогда тебе дорога в дружину Мердока: он так же считает.

— Потому что капитан Северной гвардии — толковый мужик и не делает поспешных выводов. Бабы на завалинках перетирает сплетни, а мы потом не можем отделить зёрна от плевел.

Аксель поморщился.

— Ненавижу это выражение!

— И не говори, — кивнул колдун. — Я тоже.

Аксель вновь рассмеялся, и пшеничные волосы рассыпались по плечам. Лучи солнца, пробивающиеся в окно, коснулись его лица, сделав образ молодого воина ещё более светлым и непорочным.

— Часто ли смеются люди, собираясь на бой с чудовищем? — заметил колдун. — Или, может, ты сам не веришь в его существование?

— Верю, друг мой! — Аксель хлопнул Келлина по плечу. — И верю, что ты мне поможешь.

— Я не воин, — парировал колдун.

— Ой ли?! — воскликнул Аксель. — Ты ещё молод, высок и отлично сложен. Я научу тебя фехтовать и...

— Сиды пытались, — сказал колдун, насмешливо отмахнувшись от предложения Акселя. — Это всё утомительно.

— Но сидский кинжал всегда при тебе, — подметил Аксель. — Значит, сталь тебе не чужда.

— Нож для колдуна — это нечто большее.

Рукоять кривого кинжала хищно выглядывала из-за поясицы Келлина: так прятали короткие клинки разбойники или воры. Аксель Ламберт же всегда держал украшенные ножны на виду, демонстрируя власть и статус.

— И что же это, если не оружие? — спросил юноша.

— Проводник. Правильно было бы назвать его атамом, — ответил Келлин, извлекая свой кинжал из ножен. — Мне нравится этот сидский клинок, но это просто железо и кость. Атам и колдуна должно что-то связывать — какое-то событие, оставившее глубокий след, или, может, наследие, испытание, ещё что-то. Понимаешь? Я пока не встретил такого клинка. Так что будем надеяться, что и этот кинжал мне применять не придётся. Тем более против чудовища. — Келлин убрал сидский клинок в ножны.

— Не переживай раньше времени, — сказал Аксель, сложив наконец в седельные сумки всё необходимое для завтрашнего похода. — Отец сказал, что это разведка. Нам с тобой необходимо объехать окрестные сёла и выяснить, где может прятаться чудовище. А потом отец пришлёт Северную гвардию.

— Другой разговор! — одобрил план колдун. — А где было больше убийств?

— В пролеске между Бирой и Брауни нашли сразу троих, — ответил Аксель. — Разорваны на куски. Сегодня утром об этом доложил гонец.

— Объедены?

— Не знаю. Наверное... — Юноша пожал плечами. — Если чудовище разорвало их на части, то наверняка съело.

— Не соглашусь, — процедил задумчиво Келлин. — А другие жертвы — кто они?

— Староста Лисцы, пасечник в Осинниках, травница оттуда же, — перечислил Аксель последних жертв.

— Близ Килох-Элле. — Келлин почесал подбородок.

— Да-да! — подтвердил Аксель. — Отец говорит, что многие дворяне уже всерьёз обсуждают вмешательство сидов.

— Сидам нет дела до людских земель, — резко оборвал друга колдун.

— Я знаю, что они твои друзья, но мы должны сохранять холодный ум, чтобы найти виновника.

— Ладно. — Келлин резко развернулся на пятках. — Пойду готовиться.

Глава 4

Капля холодного пота стекала по виску. Частое тяжёлое дыхание заставляло грудь ходить ходуном, а под рёбрами в бешеном ритме бились два сердца.

— М-м-м, — протянул колдун.

Его пальцы, покрытые пятнами, оставшимися от варки зелий, судорожно искали, за что можно ухватиться; зубной скрежет эхом разнёсся по каменным коридорам башни.

Тревожный сон подкидывал странные видения. Вот ворон расклёвывает яйцо. Через пробитую скорлупу видна голова орлёнка. Птенец издаёт писк, тянет голову кверху в надежде, что орлица-мать покормит своё потомство. Но вместо этого ворон клюёт птенца в голову снова и снова, пока орлиное гнездо не заливается кровью.

Затем сон переносит колдуна в бескрайние леса Килох-Элле. Там, среди многовековых сосен, он стоит на коленях перед каменным алтарём. В руках колдуна чаша, наполненная ключевой водой, но стоит прикоснуться к ней губами, как в нос бьёт запах разлагающихся тел. Сиды, что живут в этих лесах, отступают в ужасе, глядя на то, как обелиск раскалывается надвое. Их белые лица, покрытые угловатыми узорами, перекошены от страха и отвращения, и лишь старейший из них касается худыми пальцами груди колдуна. С губ его срывается фраза, но колдун не может разобрать слова. Он просит сида повторить погромче, но в ответ слышит лишь хриплое карканье:

— Кеаль-Лин!

Келлин раскрыл глаза. Деревьев и обелиска не было — лишь холодные каменные стены восточной башни замка. Оба сердца стучали так, что, казалось, их стук можно услышать даже с улицы.

— Кеаль-Лин, — произнёс своё имя на сидском языке колдун. — Ворон, клюющий труп.

Он поднялся с постели и распахнул ставни. Холодный ночной воздух ворвался в помещение, впившись в кожу колдуна. Келлин высунул голову в окно и прислушался к звукам ночного Нивельстора. Где-то брехал пёс, горланил песни запоздалый пьяница. До зари оставалось ещё много времени, и колдун понимал, что нужно спать. Завтрашний день обещал быть нелёгким, и, зная норы молодого Ламберта, можно было помножить все предстоящие трудности на два.

— Спать, — прошептал колдун. — Нужно постараться уснуть.

Утро началось со стука в дверь. Не успел колдун умыться из бадьи, как слуга уже пришёл поторапливать его.

Келлин многого не брал — лишь накинул шерстяной плащ да оставил всё то, что завалилось в седельных сумках с прошлого похода. Из оружия при нём был лишь кривой сидский кинжал, несмотря на то, что Аксель уговаривал взять меч.

— От меча так просто не отказываются, — настаивал юный воитель. — Это очень дорогая вещь. Даже не у каждого рыцаря он есть!

— Тем более, — ответил Келлин. — Ещё придётся объяснять всем и каждому, что я его не украл.

— Какой же ты... — покачал головой Аксель. — Идём, конюх уже приготовил лошадей.

Этим утром Аксель выбрал белую кобылицу. Молодая и норовистая, она обладала буйной гривой, горящим взглядом и выглядела очень эффектно. Особенно когда на ней восседал молодой воин, облачённый в начищенную кольчугу, искрящуюся солнечными бликами, а

поверх было надето голубое сюрко с гербом Ламбертов — голова орла на фоне скрещенных копий.

Келлин сел на лошадь мышастой масти — ту, которую ему предоставили в первый же день пребывания в замке Ламбертов. Аксель не мог не подметить, что кобыла выглядит так же угрюмо, как и всадник. Однако масть для Келлина была неважна. Главное, эта лошадь довольно спокойно реагировала на всплески магии и, похоже, была совершенно равнодушна к тому, что у её наездника два сердца.

На Силу, заточённую в правом из них, животные реагировали, как правило, очень бурно. По этой причине придворного колдуна особенно невзлюбил псарь замка Ламбертов. Стоило Келлину очутиться поблизости, как северные борзые начинали скулить и метаться. А однажды поднялся такой вой, что лорд Риан запретил колдуну приближаться к вольерам.

Кошки реагировали на Келлина не так резко, однако погладить себя не давали: выгибали спину, шипели или вовсе убегали, стоило двоедушнику протянуть к ним руку. Птицы же всегда оставались спокойны по отношению к той Силе, которая таилась в правом сердце Келлина. А некоторые виды из семейства врановых очень тонко чувствовали магический посыл двоедушника и оказывались восприимчивы к Зову.

— В путь? — спросил Келлин, дождавшись, пока молодой господин поправит блестящие на утреннем солнце волосы.

— В путь, друг мой! — дал команду Аксель.

Будущий рыцарь сиял надеждой на удачный исход своей охоты. Казалось, что сердце юноши вылетело из груди, обратившись орлом с его герба, и воспарило прямо в облака. И лишь тень ворона, кружащего рядом, возвращала душу Акселя в реальный мир.

Предмесья Нивельстора, как последний оплот хоть какой-то защищённости, остались за спиной. Келлин обернулся к стенам города и невольно поправил кинжал.

— Ты невесел, Келлин, — заметил Аксель.

— Так на большак выезжаем! — ответил колдун. — Я люблю дорогу, но знаю, какие опасности она таит.

— Если разбойников не испугает мой герб, то уничтожит мой меч, — уверенно заявил Аксель Ламберт.

И Келлин не сомневался в этом. Акселя не посвятили в рыцари лишь потому, что традиция семьи требовала подвига, а в нынешние спокойные времена мало какие события тянули на подвиг. Но юный господин никогда не прекращал тренировок. В бою на мечах он уже давно превзошёл даже своего учителя Мердока, что славился на весь Север своим мастерством. Аксель Ламберт был силен и храбр, хоть и немного наивен. Слишком часто в детстве он слушал рассказы деда о былых временах. Слишком сильно верил песням менестрелей.

— О чём задумался? — спросил Ламберт, желая нарушить тишину.

— О том, что всё же стоило взять с собой пару солдат.

— Отец пришлёт их, как только мы отыщем чудище. Он советовал начать с Волчьего Лога. Знаешь, где это?

— Дыра у самой границы с Килох-Элле.

— Можем пойти коротким путём. К вечеру прибудем.

Келлин взглянул на солнце, едва вылезшее на небо, и почесал подбородок.

— Если не будем отвлекаться, может, и успеем.

— А на что нам отвлекаться? У нас есть цель, и ничто не должно стоять на пути.

Келлин Рифф обернулся. Нивельстор скрылся за высокими каменными стенами, а замок, словно исполинский дракон, задрал свою голову-шпиль к невероятно синему небу.

«Что-то происходит, — пронеслась мысль в голове колдуна. — Что-то меняется».

Полдня, проведённые в седле, отдавались болью в пояснице. Затекала спина, затекли плечи, ныли ноги. Келлин молчал всю дорогу и лишь изредка изрекал «Угу» в ответ на вопросы Акселя.

— Да, друг мой! — всё так же воодушевлённо говорил юноша. — Мир меняется. Вот и я теперь ношу имя своего предка.

— То есть? — спросил Келлин.

— Ламберт, — ответил юноша. — Так звали моего далёкого предка, основавшего Нивельстор. Раньше на Севере говорили проще: такой-то, сын такого-то. Теперь принято носить имя всего рода. Точнее, того, кто этот род основал.

— У нас в Галенарии существует подобная традиция, — задумчиво ответил Келлин. — Рифф — это название племени. Когда-то очень давно вожди разрозненных племён объединились, создавая государство галенов, а их имена теперь носят потомки.

— То есть ты тоже из знатного рода? — воскликнул Ламберт.

— Наша знать немного отличается от вашей, — ответил колдун. — Потомки тех вождей обязаны нести повинность, служа королю. Нас с детства готовят к службе. У простого крестьянина нет ни рода, ни племенной принадлежности, ни лишений и тягот службы королю.

— А почему ты сбежал из Галенарии? — спросил Аксель.

— Да я не то чтобы сбежал... — задумчиво ответил Келлин. — Колдовство у галенов не в почёте, а я искал тех, кто даст мне знания. Я ушёл к сидам в Килох-Элле, а уже потом попал в Гвинердан.

— Сиды, — протянул Аксель. — Это ведь не люди, да?

— Да, но...

— Эй! Помогите! — Их разговор прервал человек, бежавший навстречу. — Помогите! На нас напали разбойники. Отобрали все деньги и увели наших лошадей. Друга моего ранили...

На пыльной дороге, свернувшись калачиком, лежал человек. Аксель попытался разглядеть рану, но несчастный закрывал живот руками и томно постанывал. Спутник раненного всё причитал о том, что даже здесь, на большом торговом тракте, они умудрились нарваться на бандитов.

Желая поскорее с этим разобраться, Ламберт спешил и подошёл к лежащему в дорожной пыли человеку.

— Эй, ты в порядке? — спросил он.

— Лучше не бывает! — рявкнул незнакомец, резво вскочив на ноги.

Юноша отпрыгнул назад, не понимая, что происходит. В это время человек, звавший на помощь, схватил Келлина за руку и скинул его с лошади. Из-за деревьев вышли вооружённые люди.

— Вы даже не знаете, с кем связались! — Аксель опустил руку на эфес меча.

— Ну и с кем же мы связались? — не скрывая насмешки, спросил крупный мужчина, поигрывая длинным мечом.

Сталь блестела в солнечных лучах, будто сгорая от нетерпения. Крепкие руки разбойника держали оружие легко и непринуждённо.

— Я Аксель Ламберт! — Молодой человек шагнул вперёд, расправив плечи. — Сын князя Риана Ламберта.

— А я Беван Брут. — Здоровяк изобразил движения Ламберта. — Сын портовой шлюхи и неизвестного солдата.

Бандиты загоготали, давая понять, что разговор не удался.

Келлин начал действовать первым. Он выхватил кинжал и по самую рукоять вогнал клинок в живот нападавшему. Вскочив на ноги, колдун левой рукой начертил в воздухе руну. Воздух дрогнул, исказился, и по бандитам ударила невидимая волна. Двое повалились на землю, остальные лишь пошатнулись.

— Колдует! — испуганно воскликнул кто-то.

Воспользовавшись замешательством врага, Аксель выхватил меч и перешёл в наступление. Он двигался быстро и плавно, изящными пируэтами уходя от ударов, отступая и делая ложные выпады.

Келлин встретился взглядом с худощавым, коротко стриженным разбойником. Острые кончики ушей и большие раскосые глаза выдавали в нём сида. Но у сидов отсутствовали мочки ушей, а у этого рубаки они были.

Хищно оскалившись, полукровка вынул из ножен сразу две сабли.

— Нашинкую, как капусту! — крикнул он и бросился на колдуна.

Келлин отбежал назад, присел на колено и остриём кинжала вывел на земле глиф. Понимая, что времени нет, он кувыркнулся в сторону, а полукровка, не сумев вовремя сориентироваться, вступил в глиф. Осознавая, что земля уходит у него из-под ног, полусид отчаянно закричал. Поглощая свою жертву, подобно трясине, земля гудела и чавкала. Полукровка брыкался, пытался ухватиться за траву, но всё было тщетно. Гул прекратился, и почва затвердела, оставив на своей поверхности лишь голову и левую руку разбойника.

Аксель продолжал крутиться вокруг нападавших, словно дикий кот, отбивающийся от своры собак. Он успевал резануть, рубануть, пнуть и ударить кулаком, при этом сохраняя грацию хорошо тренированного воина.

Враг слабел, но не отступал. Разбойники кричали, шипели, делали выпады, но, получая ранения, тут же отступали.

— Эй, сын портовой шлюхи! — крикнул Келлин здоровяку.

Беван Брут зарычал, отступил от Акселя и, медленно покачивая мечом, шагнул в сторону колдуна. Это дало Акселю пространство для манёвра. Он резко рванул влево, закружился в пируэте, рубанул под локоть одного, затем метнулся ко второму, ушёл от удара гизармой и вонзил клинок точно в грудь противника. Ламберт толкнул поверженного врага под ноги его соратникам и вновь перешёл в наступление. Раненного под локоть он добил быстрым выпадом в висок, но, потратив на это драгоценное время, получил шестопёром в область ключицы. Кольчуга смягчила удар, однако пальцы его предательски разжались, выпуская меч.

— Ха! — воскликнул головорез, вскинув руки к небу, но тут же осознал свою ошибку.

Меч Ламберта вошёл в незащищённое бронёй брюхо так же уверенно, как если бы рукоять держали правой рукой, а не левой.

— Ну, иди сюда, мразь колдовская! — рявкнул Беван. — Убью!

— Ага-ага, — насмешливо покивал Келлин. — Может, мне и на меч сразу прыгнуть?

— Дерзкий, да? — Беван взмахнул мечом, но почувствовал странное головокружение.

Головорез тряхнул головой, пытаясь избавиться от звона в ушах. Его враг стоял напротив и беззвучно смеялся. Лицо колдуна было мертвецки бледным, а радужка глаз переливалась золотисто-янтарным цветом. Беван зарычал и сделал шаг вперёд, но внезапно ощутил холодную сталь на шее. В этот короткий миг бледный колдун растворился в воздухе, а настоящий Келлин Рифф перерезал горло сыну неизвестного солдата. Массивное тело рухнуло на землю.

Колдун вытер лезвие кинжала о рубаху Бевана и убрал клинок в ножны.

— Ты как? — Он подошёл к Ламберту.

Аксель пошевелил пальцами, и всю правую руку — от ключицы до кончиков пальцев — закололи сотни невидимых игл.

— Жить буду. — Ламберт попытался скрыть боль.

— Будешь. — Кивнул колдун. — Но лучше приготовим тебе мазь.

— Волшебную?

— Ишь, размечтался! Обыкновенную.

Колдун подошёл к телу Бевана Брута.

— А ты говорил, что не у каждого рыцаря есть меч... — Он поднял оружие с земли. — Даже сын шлюхи может позволить себе такой.

— Это очень хороший клинок. — Аксель подошёл и взял меч левой рукой. — Лёгкий, изящный. Смотри: рукоять сделана так, чтобы можно было держать обеими руками. Забери себе.

— Мне он не нужен.

— Келлин!

— Хм-м, ладно. — Келлин почесал подбородок. — Может, у этих парней есть ещё что-нибудь полезное?

Он оглядел убитых, наткнулся взглядом на полукровку и, хохотнув, помахал ему рукой.

— Удобно? — съязвил Келлин.

— Удобней будет лишь тебе, колдун! — прошипел разбойник. — В могиле.

— Пойдём отсюда, Ламберт. — Келлин взял меч друга и помог убрать его в ножны. — У нас долгий путь впереди.

— А этот? — Аксель указал на полукровку.

— Всё в его руках, — ответил колдун и тут же сипло рассмеялся. — В одной руке, по крайней мере.

Алое небо над Волчьим Логом усиливало тревогу Келлина. Казалось бы, что может произойти в деревеньке, где едва насчитывалась дюжина дворов? Но что-то тревожило, вызывало неприятное давящее чувство где-то на подходе к горлу. Волчий Лог был той точкой на карте, где кончался Килох-Элле и начиналась земля людей. Далёкая спокойная деревня, в которой никогда ничего не происходило. И всё же...

Дурное предчувствие не обмануло: в воздухе над селением повисло какое-то волнение. Люди спешили, кричали, толкались. Багровый закат словно предупреждал о неизбежном кровопролитии, а карканье ворон звучало язвительной насмешкой злого рока. Какофонию гула толпы, выкриков и детского плача разбавлял раскачивающийся мотив заученной проповеди.

— Да будет злато Града Небесного сиять, как сияют чистотой помыслы Единого Творца! — Этот голос задавал мотив, сплетая выкрики в одну единую песню. — Да очистит Господь душу грешника, ибо чернотой своей она оставит несмываемый след на доме, в который мы все однажды попадём.

«Единый Бог... — Колдун приподнял правую бровь, услышав знакомую молитву. — Здесь?»

— У тебя ведь неприязнь к церкви, так? — Аксель внимательно посмотрел на одежду друга.

Келлин Рифф заметно выделялся из толпы: высокие сапоги с ремешками по всему голенищу, хорошо выделанные кожаные штаны с подбоем да куртка из кабаньей кожи с вышитым на ней орнаментом. На левом плече колдуна красовалась перевязь с подвешенными на неё волчьими клыками и чёрными перьями. На шерстяных нитях сидского украшения разместились засмолённые ягоды рябины и полированные костяшки. К тому же Келлин Рифф был галеном, а мужчины из этого народа, в отличие от северян, всегда гладко брили свои лица. Светло-карие глаза, отливающие золотыми тонами, не моргая наблюдали за происходящим; уголки губ колдуна напряжённо подрагивали.

Аксель понял, что его друг даже не услышал вопроса, но повторять не стал. Всё было понятно без слов.

— Келлин Рифф! — слышалось из толпы. — Ха-ха! Бродяга! Не ожидал тебя здесь увидеть!

Знакомый голос отвлёк колдуна от тревожных мыслей. Присмотревшись, он увидел среди крестьян нетипичного для этих мест мужчину. Кудрявый шатен с густой щетиной на лице шёл навстречу колдуну, улыбаясь во весь рот. Келлин чуть заметно улыбнулся в ответ и спрыгнул с лошади.

— Не «бродяга», а «странник»! — ответил колдун и вновь бросил хмурый взгляд в сторону толпы. — Что тут происходит?

— Беспредел! — всё так же весело отвечал подозрительный друг Келлина.

Они со всего размаха пожали друг другу руки, да так, что слышался довольно громкий хлопок.

— Знакомся, Аксель, это Дрёмо, — представил Келлин своего знакомого. — А это Аксель Ламберт — сын князя Риана, кстати.

— О! — Дрёмо наиграно поклонился. — Ваша Светлость!

— Не стоит! — Аксель нахмурился. — Мы не при дворе.

Юноша пристально посмотрел в серые глаза Дрёмо, пытаясь угадать его возраст: взгляд старика, но лицо и тело — человека средних лет. Он был отлично сложен, просто одет и своим видом напоминал тех бродяг, что искали место в мире, оставшись без работы и крова. Однако дорогое кольцо из белого золота не позволяло назвать этого человека голодранцем.

— Это тебе, Дрёмо, — сказал Келлин, протянув тому длинный меч Бевана Брута. — Ты однажды спас меня, послужи и теперь. Твоя помощь нам пригодится.

— Нассы мне в глаза, Создатель! Откуда у тебя такой прекрасный меч?!

— Бери и не выделяйся, — проворчал Келлин, сунув Дрёмо ножны, в которых ожидал своего часа клинок. — А пока ответь: что тут за суета?

— Народ хочет крови, — сказал Дрёмо, закрепив ножны на поясе. — Сейчас казнят мужика по обвинению в волколачестве.

— А может, это священники хотят крови? — поморщился Келлин, указывая на жреца ариаст, что во всю глотку сыпал обвинениями, проклятиями и разбавлял всё это пророчествами.

Люди внимательно слушали его речи, и одни вторили, услышав знакомые фразы, другие проклинали старых богов, а третьи молча слушали, раскрыв рот. Посреди всего этого хаоса возвышалось высокое кострище, ожидающее заветной искры. А рядом стоял привязанный к столбу человек. Он был избит и измучен. На иссохших губах виднелась запёкшаяся кровь, а под обоими глазами цвели чёрно-фиолетовые синяки.

— Я не могу этого допустить! — И Аксель стал пробиваться сквозь толпу.

Келлин и Дрёмо двинулись следом. Люди шумели, кричали и толкались. Приходилось вести себя грубо, чтобы пройти ближе к жрецу: кого-то как следует толкнуть, на кого-то прикрикнуть. Дрёмо дал подзатыльник сельскому парню и ущипнул за зад симпатичную девицу. Келлин двигался позади и более аккуратно. Он старался не прикасаться к людям и поэтому держался ближе к Дрёмо, нахально расталкивающего всех и вся. Наконец они вышли из толпы, и Аксель встал напротив жреца, скрестив руки на груди.

— Я Аксель Ламберт! — громко выкрикнул он, пытаясь перекрыть толпу. — Я представляю здесь закон и приказываю всем немедленно разойтись по домам. — После этих слов толпа немного затихла. — Я веду расследование недавних убийств, и только я могу выдвигать обвинения.

— Да как ты смеешь вмешиваться в Божий суд? — Затрясся от гнева жрец. — Этот человек — чудовище, и он должен быть казнён!

— Тебе с первого раза не ясно, что ли? — поддержал молодого дворянина Дрёмо.

— У вас есть факты, свидетельствующие о причастности этого человека к недавним убийствам? — Аксель обратился к людям.

— Чё? Кто это? — слышалось из толпы.

— Где доказательства, спрашиваю я вас? — Ламберт развёл руками.

— Он пришёл сюда — и сразу начались убийства! — кричала толпа. — Он ни с кем не говорит и странно ходит! Да! Шерсть волчья под кожей мешает! Он рыжий!

— М-да, аргумент... — усмехнулся Дрёмо, обращаясь к Келлину. — Хорошо, что ты не рыжий, да?

— Да, но святоша всё равно догадался, кто я, — с горечью в голосе проговорил Келлин, пристально глядя на священника.

Жрец вознёс руки к небу и закричал во всё горло:

— Люди! Добрые люди! Колдун пришёл сюда, чтобы спасти своего слугу! — Священнослужитель тыкал пальцем в сторону Келлина. — Он чарами своими околдовал благородного человека! Он сбил с пути праведного не одну светлую душу! Он жаждет гибели мира нашего, дабы на костях его пировать с бесами и упырями!

Толпа совсем обезумела от этих слов. Разрушительной волной она двинулась на обвиняемых в колдовстве.

— Сжечь! Убить! Всех на костёр! — кричали люди.

Дрёмо схватился за рукоять меча, но многочисленные руки уже держали его, не давая извлечь оружие из ножен. Толпа плотно навалилась: женщины и дети, старики и молодые парни — все хватались их за руки, одежду и волосы. Аксель пытался сопротивляться, что-то кричал, но толпа уже не различала, кто здесь господин, а кто — безродный кмет.

Келлин вырвался из крепкой хватки, ударил локтем в лицо какую-то женщину, оттолкнул толстого бородача, затем пнул в грудь мальчишку лет тринадцати.

— Достал... — прошипел колдун.

Его зрачки сверкнули жёлто-янтарным цветом, и сквозь шум и крики толпы слышалось хриплое карканье.

— Кар-р! — И правое сердце стукнуло в такт выкрику чёрной птицы.

— Кар-р! — И снова янтарная пульсация в глазах.

Люди подняли головы, чтобы увидеть, что же за ворон рвёт глотку в такой час.

— Кар-р! — И в свете луны взмахнул крыльями нечёткий силуэт.

Чёрной стрелой пролетел над головами крестьян непонятно откуда взявшийся ворон. Своим клювом он врезался в глаз жреца и забился в неистовых конвульсиях, пытаясь пробраться глубже в череп. Колдун сжал кулак, и птица, вздрогнув, тотчас испустила дух, так и оставшись клювом в глазнице священнослужителя.

— Твою же... — проговорил Дрёмо, пока толпа стояла, раскрыв рты, тут же вырвался из захвата и ударил кулаком державшего его мужика.

Едва Дрёмо выхватил из ножен меч, подаренный колдуном, как длинная рогатина устремилась ему прямо в грудь. Увернувшись от удара, мечник перерубил древко рогатины и ударил эфесом в лицо нападавшего. Нос хрустнул, и алая кровь хлынула по лицу. Раздался женский визг, а затем глухой удар откинул назад сразу троих. Словно невидимая стена расталкивала обезумевшую толпу, позволяя Акселю и Дрёмо отступить.

— Я долго так не смогу, — прохрипел Келлин, удерживая магический знак. — Идите! Встретимся в Брауни!

Раздался такой грохот, что задрожала земля. Колдун побледнел, словно покойник, глаза его закатились, а сам он едва устоял на ногах.

Обезумевшая толпа била наугад: соседа, жену, брата. Крестьяне не различали своих и чужих. Всё превратилось в одно сплошное безумие, страшный сон, кошмар наяву. Пока одни

кметы дрались, другие пустились в пляс. Они танцевали так нелепо и неистово, что, казалось, в любой момент упадут замертво, потеряв всякие силы жить.

Дрёмо схватил Акселя за рукав и потащил к коновязи.

— Но Келлин! — Ламберт попытался вырваться из хватки.

— Он о себе позаботится, — сказал Дрёмо, отвязывая лошадей. — Уходим!

Глава 5

Солнце медленно опускалось за горизонт, позволяя теням окутать Нивельстор. Шумная северная столица Гвинердана¹, подчиняясь привычному ритму жизни, затихала. Купцы закрывали лавки, ремесленники чистили и убирали инструмент, а крестьяне маленькими группками шли с полей к своим домам. Воздух был ещё тёплым, но уже располагающим к тому, чтобы местные работяги разожгли костёр и послушали рассказы стариков о временах их молодости.

Когда окончательно стемнело, человек в плаще и капюшоне пересёк одну из самых старых и пустынных улиц города. Дойдя до сгоревшего дома, он остановился и осторожно, будто вор, огляделся.

Лениво выползающий на небо полумесяц неохотно освещал переулок. Его серебряный свет осторожно лизнул крыши, царапнул печные трубы, задел щёбёнку. Стояла звенящая тишина. Жители северной столицы неохотно заходили в эту часть улицы со времён большого пожара, считая это место нехорошим.

Не заметив слежки, человек вошёл в то, что когда-то называлось домом, и среди обгоревших половиц нашёл маленькую дверцу, ведущую в погреб. Он открыл её, но спускаться не стал, а лишь зажёл свечу и внимательно посмотрел вниз. Человек затушил играющий огонёк и, что-то пробурчав, ушёл.

Но не более чем через четверть часа две худощавых фигуры появились на том же месте. В слабом свете месяца, ползущего всё выше по небу, эти двое нашли заветную дверцу.

— Давай лезь, а я постою на шухере, — прошептал один.

Второй немного помялся:

— Хорошо, но ты уверен...

— Уверен. — Мужчина перебил товарища. — Он сказал, что спрятал золото здесь. Хороший аванс за плёвое дело! Хе-хе...

— Ладно, я полез, хоть всё это и кажется мне какой-то подставой. — Мужчина громко выдохнул и прыгнул в зияющую черноту погреба.

Глухой звук внизу свидетельствовал об удачном приземлении. Ещё один похожий звук смутил того, что оставался наверху. Некоторое время царила тишина.

— Эй, ну что там? — Первый начал терять терпение.

В ответ молчание.

— Эй! — Он опустился на колени и попытался всмотреться в темноту.

Из погреба донёсся звериный рык, и через мгновение человека рывком затащила внутрь когтистая лапа. Больше никаких звуков не было. Ночь была по-прежнему тихой, спокойной и немного прохладной.

Спустя некоторое время тишину нарушил скрип открывающейся двери. Из дома напротив, тоже заброшенного и обгоревшего, вышел тот самый мужчина в плаще и капюшоне. Он шёл в сопровождении человека в таких же чёрных одеждах. Человек осмотрелся и присел возле раскрытой дверцы подвала.

— Он верен и послушен, — сказал этот второй, глядя в темноту погреба.

Его спутник тихонько кашлянул, прочищая горло.

— Всё хорошо, но... — Он брезгливо поморщился. — Больше не привози *это* в мой город.

¹ Самое крупное королевство континенто, некогда захватившее отдельные княжества и сделавшее их своими пограничными городами-стражами. Эти города в народе зовутся столицами по их направлению. Северная - Нивельстор, восточная - Ваоли, южная - Иднер, западная - Гарн.

Заря уже начала согревать землю первыми лучами. День обещал быть жарким — возможно, одним из последних жарких дней перед осенью, что надвигалась на Север. Отдалившись от Волчьего Лога на достаточное расстояние, Ламберт и Дрёмо вывели лошадей на дорогу.

— Откуда ты, Дрёмо? — спросил Аксель, желая нарушить тишину.

— Рубенборг, — коротко ответил мужчина.

— О, даже так! — проговорил Аксель. — Понимаю, почему ты не живёшь в своём королевстве.

— Почему же? — насмешливо уточнил Дрёмо. — Потому что там власть держат ворьё и грабители? Я вот что скажу, княжич: с тех пор, как убили короля, ворьё и мошенники навели больше порядка в Рубенборге, чем это сделали монархи за всё своё правление. — Дрёмо вдруг повеселел. — А как я здесь оказался, уже и не вспомню, — продолжил он и покрутил кольцо на пальце. — Жизнь у меня непредсказуемая. А у вас с Келлином что за дело в Брауни?

— Зверь, — коротко ответил Аксель.

— А-а-а, о котором тот жрец твердил? Расскажешь поподробней?

— Это будет долго, но всё же слушай, — ответил Аксель и набрал побольше воздуха в грудь.

За увлекательным разговором дорога под ярким осенним солнцем не казалась такой уж длительной. Спутники делились мыслями о происхождении чудовища, предлагали план борьбы с ним и методы охоты. Ламберт рассказал то, чем поделился с ним отец перед тем, как отпустить в этот поход.

— Поэтому мы и решили, что искать нужно в районе Брауни, — подытожил Ламберт.

— Ты правильно сделал, что позвал Келлина, — вытерев пот со лба, сказал Дрёмо. — Не знаю, сечёт ли эта колдовская морда в волколаках, но ума ему не занимать. Ворчливый он, конечно, но в доску свой.

— А давно вы с ним знакомы? — Ламберт посмотрел на спутника. — Или ты тоже занимаешься чародейством?

— Я?! Чародей?! — Дрёмо расхохотался так, что даже поперхнулся.

Откашлявшись и утерев слёзы, он погладил мышастую лошадь, на которой ещё совсем недавно восседал Келлин Рифф.

— Ох и рассмешил ты меня, сэр рыцарь! Я аж бедную кобылку напугал. — Дрёмо протяжно выдохнул, ещё разок хохотнул и повернулся к Ламберту. — Я о магии знаю только то, что она есть. Знаю также, что нельзя брать в руки зачарованные предметы и загадывать желания. — Дрёмо покрутил перстень на пальце. — Остальным пусть занимаются такие, как Келлин.

— Ну так откуда ты знаешь этого галена? — Напомнил свой вопрос Ламберт. — Рубенборг далеко от Галенарии.

— Да откуда-откуда... — Дрёмо снова рассмеялся. — Мы с моей бригадой сопровождали караван. Заказ, значит, такой приняли. Путь пролегал по большаку — от Ваоли до Нивельстора. Не успели мы покинуть город, как из обоза кто-то шмыганул в кусты. Мы, ясное дело, всполошились, бросились вдогонку. Оказалось, Келлин прятался в нашем обозе от ваольской стражи. Какой-то ревнивый барон устроил на него охоту, и бедняга не знал, как выбраться из города. Парни хотели сдать колдуна и получить награду, да только я вступился.

— Келлин предпочитает замужних женщин? — Удивился Ламберт. — Никогда бы не подумал!

— Сам он утверждает, что продавал ей какие-то лечебные отвары. Кстати, для того самого барона. — Наёмник усмехнулся. — Если ты понимаешь, о чём я.

Ламберт покачал головой, удивляясь и немного завидуя приключениям колдуна.

— А вот и Брауни! — Обрадовался Дрёмо, разглядев впереди околицу и крыши домов. — Я предлагаю первым делом чего-нибудь поесть. — Вид наёмника сделался немного жалобным. — У тебя ведь найдётся пара монеток взаймы?

— Сослужи мне хорошую службу, Дрёмо, и обездоленным ты не останешься, — сказал Ламберт.

— Мой меч... — начал было речь Дрёмо, но тут же поправился: — Ну, тот, что вы с Келлином подарили мне. Короче! Мой меч принадлежит тебе, сын Аксель сын князя Риана из Нивельстора.

«Пешком далеко не уйдёшь», — понял Келлин Рифф.

Он не знал, сколько уже прошёл, но ноги молили о передышке. И верной ли была дорога? Колдун осмотрелся: ельник плавно переходил в листвяк, время от времени встречались берёзы. Значит, шёл он правильно. Чуть восточнее — река Ирчис, которая разделяет земли людей и сидов, а ниже по реке находится Брауни. Вдоль реки шёл большой торговый тракт, стало быть, можно наткнуться на караван или хотя бы крестьянскую повозку.

Колдуну повезло: он услышал цоканье копыт и тихое поскрипывание колёс. Обернувшись, Келлин увидел телегу, а на ней — старика со старухой.

— До Брауни не подкинете? — спросил он, дождавшись, пока повозка поравняется с ним.

— Тпр-р-р! — Старик остановил лошадь. — Отчего же не подвезти? Залезай, паря! Только мы в Осинники путь держим, а до развилки можешь ехать с нами.

Бабка недовольно зыркнула на старика, но промолчала.

Келлин залез в телегу, растолкал мешки с зерном и устроился поудобней.

— Вы не против, если я вздремну? — спросил он, закинув руки за голову.

— Да спи, конечно! — Старик растянулся в понимающей улыбке. — Дело молодое, ночи для сна не хватает. Я толкну тебя, как к повороту на Брауни подъезжать будем.

— Спасибо, — ответил колдун.

Под мерный стук копыт и скрип телеги пригреваемый нежными лучами осеннего солнца Келлин сомкнул веки и провалился в сон. Пару раз он просыпался и слышал бабкино ворчание по поводу того, что дед не может никому отказать.

— Ты только глянь на него! — шептала старуха. — Весь в чёрное облачился, на рукаве перья вороновы. А клыки зверевы? Чернокнижник!

— Во всём ты, бабка, недоброе ищешь, — спокойно ответил ей старик. — Паренёк молодой совсем, а веру старую помнит. Хоть и сидову, но всё же истинную, старую веру. А там велика ли разница? Что наш Бог-кузнец Астор, что их... этот, ну, как его... ястреб-то. Не помнишь?

— Я сидов никогда не любила! — Бабке разговор был не по душе. — Они лешаку дары преподносят да с ним на пару детей человеческих воруют!

— Аластрос! — воскликнул дед. — Аластрос их бога-ястреба зовут. Даже имена похожи.

— А жрец говорил...

— Жрец, жрец! — Старик перебил свою старуху. — Веру наших предков теснят, традиции запрещают. Молись, кому хочешь, но меня не проси!

Бабка фыркнула и больше не ворчала, а Келлин снова уснул.

Когда они наконец подъехали к развилке, старик разбудил колдуна. Келлин поблагодарил пожилую пару и, ловко спрыгнув с телеги, направился в сторону Брауни.

— А ты к ведьме небось? — спросил старик.

— Нет, — ответил Келлин. — А тут есть ведьма?

— Говорят, живёт одна, — кивнул дед. — Мол, тропинка среди деревьев от валуна к её избушке ведёт. Но я сам-то не был, только слухи пересказываю.

— Что ж, спасибо, — ответил колдун. — Ещё наверняка говорят, что она горбатая, страшная и ест детей.

Старик пожал плечами, а колдун махнул ему на прощание и побрёл по дороге. Слух о ведьме заинтересовал Келлина.

— Валун, значит, и тропинка к избушке, — проговорил он, ступая по дороге. — Не всем положена башня, как мне... — И, вздохнув, добавил: — И та не моя.

Келлин знал, что до него в восточной башне жила чародейка по прозвищу Бледная Леди и что она куда-то пропала несколько лет назад. Среди брошенных ею вещей колдун нашёл немало интересного, но всё это касалось не самой магии, а скорее походило на крестьянские страхи. Записки о домовых, кобольдах, русалках и прочей нечести... Находил Келлин также и заметки, написанные рукой самой Белинды. В них чародейка размышляла, насколько разумны могут быть низшие духи и способны ли они подчиняться воле призывателя.

Колдун шёл по колее, зная наверняка, что движется в нужном направлении. Хоть раньше в Брауни он и не бывал, эти земли граничили с Килох-Элле, где Келлин Рифф постигал основы колдовства и какое-то время жил с племенами сидов.

Неприятная мелодия донеслась до уха колдуна. Кто-то явно не знал нот и игре на свирели обучен не был. Пройдя ещё немного, Келлин обнаружил тот самый валун, о котором говорил старик. На валуне сидел босой юноша и изо всех сил дул в музыкальный инструмент. Его конопатые щёки багровели от натуги, дикий свист резал слух, а растрёпанная рыжая шевелюра добавляла безумия этой и без того странной картине.

— Эй! — крикнул Келлин, устав слушать визг свирели. — Убирай дудку!

— А что, не любишь музыку? — спросил парень, прекратив игру.

— Это не музыка, — раздражённо ответил колдун. — Тебе заняться нечем?

— У-у-у, — протянул рыжий. — Какой мрачный ворон! Злой, сердитый, того гляди и в драку полезет!

— Ты местный? — всё больше раздражаясь, спросил Келлин.

Парень ловко прыгнул с валуна и наигранно поклонился.

— О, какая честь! — стал паясничать паонрень. — Сам господин Ворон заинтересовался моей скромной персоной!

— Заладил же, — процедил колдун. — Ворон, ворон...

— А зачем было крепить вороны перья на рукав? — Парень ткнул в левое плечо Келлина. — Красивая перевязь. Говорят, сиды такие носят.

— Я задал вопрос. — Зрачки колдуна блеснули. — Ты из Брауни?

— Нет, — ответил юноша. — Меня послал отец. По делам. Уже иду обратно. Нужно торопиться: говорят, в этих лесах завелось чудовище. Ты не знаешь, лорд Риан отправит кого-нибудь на помощь?

— Ты действительно не местный, — задумчиво протянул Келлин. — Северяне не говорят «лорд». Северяне говорят «князь».

Рыжий почесал за оттопыренным ухом, будто вспоминая о чём то, а потом покачал головой и сказал:

— Ну уж нет, я на эти ваши штучки не куплюсь! Мужика одного у нас высекли за такое вот словечко. Люди лорда заезжали, вот он и спросил, мол, как там барин Риан, жив ли, здоров ли. А те ему: «Какой ещё барин, собака ты постылая? Лорд! Запомни, сука: лорд Риан!» Один схватил плетё, которой коня погонял, да давай мужика того понужать! Думали, кожа слезет...

— Всё, замолкни, — прервал колдун рассказни юноши. — Как тебя зовут?

— Зови меня Лис, — представился Рыжий, гордо расправив плечи.

— Ох, ну конечно! — прыснул колдун. — Если рыжий, то обязательно Лис. Не мог взять прозвище пооригинальней?

— Знаешь много Лисов?

— Слава Богам, лично не знаком.

— Тогда Расскажи, о ком слышал. — С каждой новой фразой парень всё меньше скрывал насмешку.

— Да много таких, — ответил колдун. — Слышал я травнике по прозвищу Лис и даже про легендарного вора, что звался Серым Лисом и умудрился обнести жилище богов. Но сдаётся мне, что всё это чья-то выдумка — и не более.

Парень замолчал, но его светло-зелёные глаза жадно бегали, пытаясь запомнить каждую деталь образа колдуна. Пауза порядком затянулась, да и игру в гляделки Келлин поддерживать не собирался.

— А откуда ты знаешь про то, кто тут лорд, а кто — барин? — опередил следующий вопрос Келлина Лис.

— Знаком с парочкой, — бросил колдун.

— Хех, — удовлетворённо усмехнулся Лис и, схватив свой мешок, принялся натягивать обувь.

— Тут две тропинки, — заметил колдун. — Какая ведёт в Брауни?

— Эта в Брауни, — сказал парень, указав на более широкую. — А эта — к местной ведьме, — добавил он, указав на узкую. — Вот же валун.

— Ну да, — проговорил Келлин, почесав подбородок.

— Ну, спасибо тебе, господин Ворон! — торопливо проговорил Лис. — А мне пора.

— За что спасибо-то?

Вопроса парень не услышал. Или, что скорее всего, попросту не захотел отвечать.

Лис вновь достал свою свирель и принялся играть. На этот раз мелодия звучала ладно и весело. Не оборачиваясь к колдуну, рыжий пошёл на дороге, продолжая одаривать окрестные леса, поля и дороги разухабистой музыкой, время от времени фальшивя.

— Так, дорожка... — пробормотал себе под нос Келлин, почесав подбородок. — Сейчас и от этой старухи слушать всякий вздор, — усмехнулся он, ступив на тропинку. — Или научит плевать на коросты да закапывать яйцо в землю.

Свернув с дороги за валуном, колдун очень скоро вышел к избушке ведьмы. У её дома стояли деревенские мужики.

— Успокой чудище! — горланили они наперебой. — Знаем, что можешь, не хочешь просто! За обиду мстишь!

Ведьма молча слушала мужиков и лишь изредка посмеивалась. Она не была старой или хотя бы пожилой, какой обычно представляется образ деревенской колдуньи, — светловолосая молодая женщина не старше самого Келлина. Она была худощава, отчего казалась совсем юной; задорный взгляд глаз-смородинок насмешливо бегал от одного крикливого кмета к другому. Одетая колдунья была просто: летнее платьице да понёва, а голова и вовсе оставалась непокрытой. Руки и плечи тоже были голыми, а на пальцах виднелись пятна, знакомые любому колдуну: такие неизбежно остаются на коже, если варить зелья недостаточно аккуратно.

Увидев вышедшего из-за деревьев человека в чёрном, крестьяне растерялись.

— Убирайтесь, — приказал колдун, воспользовавшись их замешательством.

— Пошли отседова, мужики, — скривившись, сказал самый крикливый. — Пусть сами тут разбираются.

Местные быстро ушли, а ведьма улыбнулась Келлину, присев на порог дома.

— Спасибо! — Её голос оказался по-девичьи звонким. — Я, если честно, утомилась слушать их бред. Севиль, — представилась ведьма. — А ты?

— Келлин Рифф. — Колдун слегка поклонился. — Иднерское у тебя имя! — заметил он. — Ты не похожа на южанку.

— Моя мама родом из Хайедена. Видишь, волосы какие белые? Это от неё. — Севиль показала прядь светлых, почти белых волос. — А глаза у меня чёрные, как у отца. Мама говорила, что он был с юга. А назвать меня хотели Сибиллой, это...

— Я знаю: героиня свартских легенд, — перебил девушку колдун. — Догадываюсь, что Севилью назвал тебя отец-южанин.

Она кивнула, слегка поджав губы.

— Местные часто достают? — спросил Келлин.

— Да нет. — Севиль махнула рукой. — Эти-то нормальные, а вот вчера приходили настоящие козлы: обещали дом спалить.

— Это всё из-за чудовища? — Колдун подошёл ближе и почувствовал, что дом окурен колдовскими травами. — Тебе что-нибудь о нём известно?

— А ты что, истребитель чудовищ? — рассмеялась Севиль.

— Я — нет. — Келлин улыбнулся в ответ. — Но помогаю тому, кто взял на себя эту роль.

— Проходи в избу. — Ведьма кивнула колдуну и скрылась в дверном проёме.

Он вошёл следом.

Как только Келлин переступил порог дома, свечи, расставленные по углам, погасли. Севиль изменилась в лице. Она схватила со стола нож и попятилась, держа его перед собой.

— Кто ты такой? — прошипела она.

— Для начала успокойся. — Келлин отступил, подняв руки. — В моём присутствии частенько так: гаснут свечи, мутнеют зеркала. Это нормально.

— Это не нормально. — Севиль крепче сжала рукоять ножа. — Эти свечи защищают от злых духов. Почему они погасли, когда ты вошёл? — Ведьма всмотрелась в глаза Келлина. — Я поняла, ты оборотень!

— Нет! — засмеялся Келлин. — Я обычный человек. Ну... не совсем обычный. У меня два сердца. Я...

— Двоедушник! — воскликнула Севиль, раскрыв рот от удивления.

— Да, — кивнул Келлин. — Я двоедушник.

Колдунья опустила нож, но всё ещё была напряжённой. Она косилась на Келлина, стараясь не выпускать его из виду. Зачерпнув из ведра ковш воды, Севиль выпила его большими глотками.

— Так. — Она вытерла губы. — Чего ты от меня хочешь? Предупреждаю сразу: я не буду вести с тобой общих дел.

— Почему такая реакция? — нахмурился Келлин.

— Будто ты и сам не знаешь! — буркнула ведьма. — Мы черпаем Силу в природе, местах силы. А такие, как ты...

— Так что, поможешь мне со зверем? — Келлин перевёл тему, не желая больше говорить о себе. — Так ведь его окрестили, да?

— Помогу, — кивнула Севиль. — Хотя бы за то, что ты прогнал местное мужичьё.

Ведьма села за стол, стряхнула со столешницы засохшие крошки и уставилась на колдуна.

— Что ты хочешь знать?

— Что за чудище-то? Что-то конкретное или как обычно — обзовём Лихом одноглазым и черт с ним?

— Я слышала вой из леса, — медленно и неуверенно проговорила ведьма. — Говорят, что вой оборотня запоминается на всю жизнь. Этот был таким.

— Прямо уж таки сразу оборотень?

— А кто ещё воет?

— Волки.

— Нет, волки так не воют. Говорю же: вой оборотня ни с чем не спутаешь.

— Что в нём особенного?

— Это не столько вой, сколько крик. Крик боли, страха, ярости — всё вперемешку.

— Хм-м... — Келлин почесал подбородок. — А кто может стать оборотнем?

— Да кто угодно! — развела руками колдунья. — Ведьмаки, ворожейки, проклятые, потомственные.

— Расскажи про всех.

— Мы с тобой... — Севиль осеклась и покосилась на грудь Келлина. — Хотя про тебя не знаю... Колдуны и ведьмы могут превращаться в зверя при помощи сложного и долгого ритуала. Да и то кем угодно обернуться не получится: зверь внутри тебя сам выбирает обличье. Одно — и на всю жизнь.

— То есть если я добряк по жизни, то могу рассчитывать лишь на облик телёнка?

Келлин посмеялся над своей шуткой, но колдунья даже не улыбнулась. Она лишь вздохнула, понимая, что придётся рассказывать долго.

— Проклятые превращаются не по своей воле. Они могут даже и не знать о своих ночных проделках.

— Проделка — это когда домовой в молоко ссыт, — вставил своё замечание Келлин. — Разве превращение и убийства можно забыть?

— Человек может думать, что ему плохо спалось и снились кошмары.

— А последние? Что с ними?

— Потомственные? Они вроде как самые сильные. Оборотничество может передаваться от отца к сыну, а бывает, что проявляется лишь через несколько поколений.

— А вся семья может быть оборотнями?

— Я слыхала легенду о целой деревне волколаков.

Севиль встала из-за стола и начала зажигать погасшие свечи. Начала она от входной двери, затем зажгла свечи у окна и наконец остановилась у маленького алтаря.

— А что дети? Превращаются в маленьких волчат? — хохотнул Келлин.

— Нет, что ты! — покачала головой Севиль. — Обращаются только подростки. Девочки — с первой кровью, мальчики... — Колдунья пожала плечами: — Не знаю, как там у мальчиков, но в том же возрасте, что и девочки.

— С половой зрелостью, ясно, — кивнул колдун.

— Ты говоришь, как люди из церкви. У вас, умников, всегда такая вычурная речь?

— Ничего не поделать: умники пишут гримуары для таких же умников.

Севиль незаметно для Келлина достала из кармана сухие травы и посыпала ими свечу. Свеча зачатила, её огонёк задёргался в неистовом танце, вспыхивая зелёными искрами. Келлин сглотнул слюну, тяжело задышал и почувствовал непреодолимое желание выбежать из помещения.

— Ты что, меня изгоняешь? — Двоедушник помассировал висок.

Он хмуро взглянул на ведьму, цокнул и закатил глаза. Щёлкнув дважды пальцами, он раскрыл ладонь, над которой возникла лёгкая серая дымка. С коротким взмахом руки по дому колдуньи пронёсся поток ветра, разбрасывая кухонную утварь, срывая занавески с окон и гася свечи. Севиль испуганно вскрикнула, выругалась и прикрыла рукой лицо, защищаясь от поднятого сора и мелких предметов, летящих в её сторону.

— Может, продолжим? — делая вид, что ничего не произошло, предложил двоедушник.

— Я не хочу, чтобы ты забрал мою Силу, — опасливо поглядывая на двоедушника, проговорила Севиль. — Пожрал мою душу.

— Я даже не знаю, как это делать, — ответил Келлин.

— Зато тот, кто живёт в твоём правом сердце, знает.

— Садись уже, — чуть раздражённо попросил колдун. — Не трону я тебя.

Севи́ль сделала пару неуверенных шагов, но затем вспомнила, что хозяйка здесь она и, гордо вскинув голову, вновь уселась за стол.

— И не страшно тебе ввязываться в это? — спросила колдунья. — Или что, ворон ворону глаз не выклюет?

— Поразительно, как много ты знаешь! — не ответил на вопрос Келлин. — Обратни, ритуалы, способы превращения... — Колдун пристально посмотрел ведьме в глаза: — Ничего странного за собой не замечала? После первой крови...

Севи́ль бросила на Келлина злой взгляд и невольно поправила подол.

— Я не оборотень, если ты об этом, — прошипела колдунья.

Келлин внезапно сморщился, тряхнул головой и прищурился, глядя на свою собеседницу. Он взглянул на руки, которые та прятала под столом, и оскалился в кривой усмешке.

— Серьёзно? — Колдун насмешливо покачал головой. — Ты держишь кукиш? Он на меня не действует.

— Но ты его чувствуешь! — воскликнула Севи́ль.

— Если хочешь, чтобы я ушёл, просто попроси.

Севи́ль молча указала на дверь, однако Келлин отрицательно покачал головой:

— У меня есть ещё вопросы.

— Ну уж нет! — зло воскликнула ведьма. — Я сказала достаточно!

Севи́ль резко встала и, желая выгнать непрошенного гостя, схватила двоедушника за руку. В этот момент на лице ведьмы застыл немой ужас. Мир будто замер, и в нём не осталось ничего, кроме зрачков колдуна, светящихся золотом.

Келлин чувствовал примерно то же самое. Время застыло, и лишь пальцы Севи́ль, впившиеся в кожу стальными оковами, напоминали ему, что тело по-прежнему находится в мире людей.

— Зверем ты начал, зверем и закончишь, — хриплым, сдавленным голосом заговорила ведьма. — Звери разные, да не все они звери... Вырвешь колышек за колышком да на себя всех собак спустишь. — Севи́ль трясло, словно в лихорадке, но она продолжала говорить: — Ты шагнул на такую дорогу, по которой невозможно пройти, не замарав подошвы кровью. Кровью! Кровью! Кро-о-овь...

Кровь тонкой струйкой побежала из носа женщины. Келлин почувствовал, что снова может шевелиться, и успел подхватить падающую на пол ведьму. Уложив Севи́ль на постель, Келлин откинул с её лица волосы.

— Не надо было ко мне прикасаться, — сказал двоедушник, заметив, что ведьма в сознании. — В ком мало-мальски Сила присутствует, всегда пророчить начинает, едва дотронется до меня. Поэтому и сам стараюсь не трогать никого. Мало ли...

Севи́ль тяжело дышала не в силах произнести хоть слово.

— А что ты про кровь сказала, так это и пророчеством-то не назовёшь. Вон уж сколько её пролилось, а ведь мы ещё даже не начинали. Замараем подошвы, как пить дать. Ладно, отдыхай. И прости за беспокойство.

Бредя по тропинке, двоедушник обдумывал услышанное. Колдуна поразили знания Севи́ль о волколачестве. Он понимал, что ведьма может и сама быть причастна к убийствам, но всё же не разглядел в ней жестокости или склонности к чёрной магии.

«Да она сама боится магии, — размышлял Келлин. — И уж тем более — всякой нечисти. Вон сколько свечей поставила!»

Разговор с ведьмой вдохновил колдуна, и он твёрдо решил, что выследит зверя.

Деревенька под названием Брауни являлась чем-то вроде центра мелких поселений и хуторов на юго-востоке от Нивельстора. Здесь можно было насчитать не менее сорока дворов, в каждом из которых содержали скот и кур, и ещё столько же хибарок по окраинам. Жили в Брауни и свой кузнец, и гончар, и какой-никакой лекарь. Часто заезжали сюда артисты, торговцы, жрецы церкви ариаст, а вместе с ними — и воры, мошенники и даже фальшивомонетчики.

Когда-то давно, ещё до Большого Раздора, в котором короли делили земли, с востока, из лесов Килох-Элле приходили караваны сидов, чтобы вести торговлю. После войны они появлялись крайне редко, но зато зачастили Серые. Этот странный народец здесь невзлюбили и вскоре стали гнать их таборы прочь.

Стеной Брауни так и не обнесли. Предыдущий правитель Севера, Оли Ламберт, поболся, что, присвоив себе статус города, Брауни нарушит баланс в провинции. А что до названия, то местные жители до сих пор спорят об этом. Одни говорят, что именно здесь придумали любимую всеми сладкую выпечку, но кто именно и когда впервые испёк брауни, никто не знает. Другие же утверждают, что деревню обозвали так из-за бесконечных шалостей низших духов, звавшихся браунэ. Обе версии имеют равное число сторонников.

Местный постоянный двор оказался вполне большим, богато украшенным домом. Брауни удачно расположился на торговом тракте, и все караваны непременно сворачивали к этому поселению, чтобы не пришлось ночевать прямо на большаке. Постоянный приток денег позволил хозяину трактира отгрохать целых два этажа да ещё и выкрасить всё это краской, увешать стены трофеями, что охотники выменивали на еду и выпивку, и даже нанять несколько служек из местных парней и девушек.

Жена трактирщика хлопотала на кухне без устали. Шкварчащий свиной шпик звучал словно песнь, а запах мяса, жаренного с овощами, манил прямо с улицы.

Ламберт заказал две порции, решив угостить Дрёмо. Тот не стеснялся и попросил жену кабатчика принести ещё и пару кружек эля. Послевкусие сочного мяса, тающего во рту, приятно усиливал свежий напиток из ячменного солода. Дешёвый, но чёрт возьми, восхитительный! Не допив первую кружку, Дрёмо попросил принести ещё парочку.

Едва слух о прибытии сына самого лорда Риана облетел деревню, как местные потянулись к постоялому двору, чтобы поклониться своему спасителю. Крестьяне несли мёд, брагу, различные угощения к столу княжича и его спутника, на что Лиовин — хозяин постоялого двора — лишь хмурился. Опытный кабатчик знал, что выгоднее отправить в замок письмо, в котором можно описать все расходы на пребывание важного гостя, а ещё и добавить немного лишнего.

Каждый, кто приносил дары, уговаривал молодого господина выпить с ним за избавление от чудовища да за процветание королевства, а именно — его северной части.

— Ну, и за здоровье папеньки! — поднимал кружку уже изрядно поддавший мужичок, пока его жена, извиняясь перед Акселем за поведение мужа, тащила того домой.

— Тебя здесь любят, — подметил Дрёмо, сдувая пену с пива.

— Род Ламбертов правит мудро и справедливо, — ответил Аксель. — Так завещал мой дед Оли Ламберт.

— Тогда за ваш род!

День клонился к закату, и праздное веселье жителей стало постепенно сменяться чувством тревоги. Выпившие с Ламбертом мужики трезвели на глазах, замечая красную полосу заката на небе. Жители Брауни спешно покидали кабак, оставляя в его стенах только Ламберта с помощником, семью кабатчика да разносчицу, которой и податься, кроме кабака,

было некуда. Женщина скребла пустые тарелки и кружки, поспешив протереть стол господина чистой тряпкой.

— Как быстро все разбежались, — заметил Дрёмо.

— Ночь — это время зверя, — отметила разносчица. — Сейчас лучшее, что можно сделать, — запереться на семь засовов и сидеть тихо-тихо.

Дрёмо повернулся к женщине, внимательно разглядывая её.

— Ты местная? — спросил он. — Давно это началось?

— Не местная, но тоже с Севера, — ответила та. — Дом мой сгорел, муж погиб в пожаре. Хотела перебраться к родителям в Лиспу, но и тех давно уж не стало. Никто не возьмёт под крыло одинокую женщину, — добавила разносчица, звонко рассмеявшись.

Глаза Дрёмо заблестели.

— А как тебя зовут, милая барышня? — спросил мечник, разглядывая её подтянутую фигуру.

— Ганна, — чуть игриво ответила она. И, наклонившись, прошептала на ухо: — Я тут всё-всё подмечаю. Если будут вопросы, обращайтесь.

Ганна унесла пустые тарелки и кружки на кухню, а Дрёмо и Аксель задумчиво посмотрели в окно.

— Быстро темнеет, — проговорил Аксель. — Значит, зима близко.

Кабатчик подошёл к столу, за которым ещё сидели сын правителя Севера и его мечник.

— Мой господин, велите запирайтесь на засов?

Дверь кабака распахнулась, и Лиовин аж подпрыгнул от неожиданности.

— Вот теперь можно запирайтесь, — сказал Аксель, улыбаясь во восторг.

— Аксель, — Келлин Рифф сделал лёгкий поклон. — Дрёмо.

— Как ты выбрался из Волчьего Лога? — спросил Аксель, приглашая колдуна к столу. — Лиовин, еды и выпивки моему другу!

— Сбежал, — коротко ответил колдун. — А ещё у меня есть для вас кое-какие сведения о звере. Это может быть полезно.

И Келлин рассказал всё, что узнал от ведьмы, живущей на опушке леса. Аксель долго хмурился, слушая колдуна, покусывал губы, щёлкал костяшками пальцев.

— Но если днём зверь обращается человеком, то нам его и вовсе не выследить, — проговорил молодой воин.

— А я считаю наоборот, — возразил колдун. — Искать нужно днём — ночью у нас нет шансов одолеть чудовище.

— Я не боюсь чудовищ! — Аксель вскочил со стула. — Лиовин! Когда было последнее убийство?

— Дайте вспомнить, господин... — Кабатчик почесал затылок. — Дней десять как. Ещё луна убывала.

Келлин выглянул в окно.

— Темнеет, — проговорил он. — Я знаю, что ты хочешь действовать, княжич, — сказал колдун, повернувшись к Акселю. — И я предлагаю начать слушать.

— Слушать? — переспросил Аксель.

— И наблюдать.

Первым этой ночью не спал Ламберт. Юноша сидел у раскрытого окна, внимательно вслушиваясь в звуки ночи. Уханье сов, стрёкот сверчков, комариный писк у самого уха — и больше ничего: ни ужасного воя, о котором рассказывал Келлин, ни приглушённых шагов или рыка... Ничего такого, что могло бы указать на чудовище.

За спиной послышался скрип половиц.

— Ну что там? — спросил колдун, подойдя ближе к своему господину.

— Ничего, — ответил Аксель. — А что, если сейчас зверь убивает в другом месте? Лисца, Бира, Волчий Лог, Осинники — здесь множество деревень, разбросанных вокруг Брауни, и зверь может быть где угодно!

— Как бы ты ни старался, — ответил колдун, — спасти всех не удастся.

— Но мы должны хотя бы попытаться! — Аксель сжал кулак.

— Предлагаешь бегать от села к селу, надеясь, что повезёт наткнуться на чудище?

Аксель стиснул зубы, не в силах подобрать нужных слов. Колдун опять оказался прав.

— Иди поспи, — предложил Келлин. — А я пока послушаю.

— Хорошо, — согласился юноша, немного поколебавшись. — Если что-то заметишь, сразу буди меня.

Только сейчас, скинув гамбезон и сняв пояс с ножнами, Аксель понял, как же сегодня устал. Так много всего давило на сына наместника, что он не представлял, как будет отчитываться отцу. Что скажет? Что зверя попросту не оказалось на месте? А ещё поведает, как они убили жреца церкви, а потом и вовсе сбегали от разъярённых крестьян...

«Я не достоин занять место своего отца, — мелькнула мысль в голове Акселя. — Я всего лишь юнец, не достойный держать в руках меч».

Тяжёлые мысли окутали юношу, и, сам того не заметив, Аксель погрузился в тревожный сон.

Утро ворвалось в окно криками петухов, гомоном женщин, идущих по воду, лаем собак и визгом детей.

Аксель открыл глаза и понял, что проспал необыкновенно долго. Солнце уже поднялось достаточно высоко, а его так никто и не разбудил. Спустившись в кабак, юноша обнаружил там заспанного Дрёмо, дежурившего утром, и Келлина, ковырявшего деревянной ложкой пшеничную кашу.

— Что было ночью? — первым делом спросил Аксель.

— Ничего, — безразлично ответил колдун. — Совсем ничего.

Брауни оживал. Крестьяне шли в поля, торопясь собрать до первых заморозков, женщины хлопотали дома, управляясь со скотиной и хозяйством, а дети, что помладше, бегали по улицам, пытаясь развлечься. Утоптаный клочок земли перед постоянным двором Брауни буквально гудел с самого утра. Голоса, подобно мошкаре на болоте, витали в воздухе, перемежаясь со вздохами, ахами и выкриками.

Келлин вышел на улицу и заметил купца, собравшего вокруг своих повозок половину жителей деревни. Купец этот — вчерашний батрак, получивший от своего господина право возить товары, — отличался от своих потомственных коллег по цеху. Если опытные торговцы говорили осторожно, больше выпытывая полезную для себя информацию, то этот мужик был заядлым сплетником.

— Оборотень — это цветочки! — говорил он. — Я вам расскажу, где ягоды.

Было заметно, как жителей Брауни задевали слова торговца. Так обесценить смерти родни и соседей! Посмеяться над еженощным страхом, заставляющим крепче запирать двери и окна перед сном! Кто-то из мужиков уже закатал рукава, намереваясь набить морду наглецу, но торгош продолжил:

— Я везу товары из Ваоли. Вот где страхи! — Купец осенил себя солнечной руной. — Там по всей округе мертвецы встают! Знали бы вы, какое лихо я повстречал на дороге... С виду парень молодой, но только прогнивший до самых костей. Опарыши с кожи прямо под ноги

падают. А он идёт на меня, мёртвые глаза горят голубым огоньком, руки вытянул, хрипит чего-то. Благо я охрану с собой взял — отбились от нечисти. Порубили гада.

Купец похлопал по плечу охранника, сопровождавшего его и товары. Лысый, гладко выбритый мужчина поглаживал рукоять меча, глядя на окружающих своим колким взглядом. Хищным, цепким, змеиным — такой воин мог стоять целого отряда.

Купец тем временем вдоволь насладился ахами и вздохами селян и решил, что можно уже продолжить рассказ.

— Ваольцы, сами знаете, своих покойников не сжигают: заворачивают в тряпье — саван, значит, — выкапывают яму, укладывают труп да посыпают цветами. — Торгаш снова осенил себя руной солнца. — Вот у нас, северян, почему мертвецы не поднимаются? Потому что мы их сжигаем. Даже учение ариаст велит жечь покойников, а эти язычники всё по-старому делают... Вот тебе и восточная столица! А навроде как одно королевство... Только не дело это, когда обряды разные.

— Что он несёт? — спросил Келлин, подойдя ближе к Дрёмо.

— Чушь про мертвецов, — ответил мечник. — Скорее всего, сплетни.

Пока торговец развлекал народ своими рассказами, Ганна вынесла ему и его охраннику по кружке пива. Взяв оплату, разносчица предложила пройти в кабак, но купец ещё не успел развернуть все выюки с товарами. Охранник что-то сказал своему нанимателю, и тот, немного посомневавшись, отпустил воина в кабак.

— Ой, чё расскажу! — приговаривала Ганна, уводя охранника. — Сплетни высшего сорта!

День проходил неспешно. Келлин бродил по улицам Брауни, вглядываясь в лица местных жителей в надежде, что, может быть, заметит кого-то странного и необычного. Но люди, как назло, выглядели как люди: никаких признаков, указывающих на то, что кто-то из них мог оказаться зверем в человеческом облики, колдун не разглядел — ни волосатых ушей, ни больших зубов или волчьих глаз. Люди как люди, и лишь некоторые из них с опаской косились в сторону колдуна, но к этому Келлин уже давно привык. Свою природу он не скрывал, а, заручившись поддержкой дворянского рода, и вовсе стал гордиться собственными умениями.

Не сказать, что улицы Брауни были слишком оживлёнными. Большинство крестьян сейчас занимались сбором урожая, так как со дня на день ожидался дождь и грозы, а сразу за ними на эти земли обрушатся холода и метели. Зима на севере никогда не заставляет себя ждать...

Пока взрослые трудились в полях и огородах, те немногие дети, которым не досталось домашней работы, носились по улице. Громко, шумно, как и полагается ребятам, они зазывали зверя.

— Ар-р-р! — прорычал один из мальчишек. — Утащу-у-у!

Детвора бросилась врассыпную, визжа так, что Келлин почувствовал звон в ушах.

Но внезапно дети замерли.

— О, глянь, придурок вернулся! — пренебрежительно бросил мальчишка, что играл зверя.

Дети захихикали, глядя на мальчика-подростка, который появился в начале улицы. Он был крупным для своего возраста, небрежно острижен, а его маленькие вдавленные глазки были слишком близко посажены друг к другу.

— О, придурок, а давай ты зверем будешь? — предложил кто-то из мальчишек.

— Да каким он зверем может быть? — спросил другой, тряхнув светлыми, почти белыми кудрями. — Разве что ослом!

Детвора взорвалась злым и радостным смехом, а подросток сжался, словно в него летели не слова, а стрелы. Сунув большой палец в рот, он поспешил скорее покинуть переулок, но дети ещё долго кричали ему вслед.

— Беги-беги, тупица! — крикнул белокурый мальчик и, чуть подумав, добавил: — Ты осёл, и мать твоя ослица!

Смех детей стал ещё злее, а Келлин стиснул зубы так, что, казалось, сейчас они раскрошатся в порошок. Что такое быть изгоем, двоедушник знал с юных лет.

1315 год. Королевство Галенария

Кроссел

Черноволосый мальчик сидел на кровати и вытирал кровь с разбитых губ. Делал он это осторожно, так как любое прикосновение вызывало нестерпимую боль. Мальчик терпел и даже не всхлипывал, ведь плакать было нельзя: слёзы в этой семье наказывались сурово. Закончив вытирать кровь, он не присоединился к ужину по двум причинам: во-первых, не хотел видеть отца, во-вторых, есть с такими губами всё равно бы не смог.

За большим накрытым столом сидела семья мальчика. Отец обглаживал куриную ногу, с фальшивым интересом рассматривая кость. У его ног лежал огромный пёс, который поглядывал на эту косточку уже с интересом куда более искренним. Он не смел поднимать головы выше столешницы или даже просто вилять хвостом, пока хозяин не бросит ему объедки. Еда в тарелке матери оставалась нетронутой, вино из бокала не было отпито.

— Это всё ваш проклятый род, — нарушил тишину отец семейства. — Твоей сумасшедшей мамаше всюду мерещились призраки умерших, а теперь и мой сын шепчет заклинания! — Отец стукнул ладонью по столу, опрокинув кубок с вином.

— Моя мать не была сумасшедшей, — процедила сквозь зубы женщина.

Она встала из-за стола, взяла тряпку и принялась вытирать разлитое вино. Её муж смотрел в одну точку перед собой и тяжело выдыхал через ноздри. Выругавшись, он швырнул кость псу, ждавшему свою долю у ног хозяина, и молча вышел из-за стола.

Мальчик смотрел в окно, рассматривая ночное зимнее небо, и не сразу заметил, как в комнату зашла сестра.

— Папа говорит, что ты знаешь заклятия. — Девочка села на кровать, поджав под себя ноги. — Это правда? А кто тебя научил? А ты покажешь?

— Никто меня не учил, — пробурчал в ответ брат.

— А Нелли сказала, что видела тебя, когда ты лазил в сгоревший дом бабки Альвевы. Все знают, что она была ведьмой и умела колдовать.

— Я нашёл в её доме страшную книгу, — шёпотом признался брат.

— Оттуда же вынесли всё, что только можно было! Как ты смог её найти?

— Мне... *они* подсказали.

— Бесы? — Девочка втянула шею, словно перепуганный котёнок и прикрыла рот ладонью.

— Не знаю. — Мальчик пожал плечами. — Тени. Они нашептывали что-то, показывали дорогу. А когда я нашёл эту книгу, то обрадовались, стали прыгать... Потом всё исчезло. Книга эта на чужом языке, но я понимаю. Могу прочитать.

— Как? — удивилась сестра. — Ты же только-только учишь буквы!

— Я будто бы знаю всё это. Как будто кто-то подсказывает. И ещё... — Он на мгновение засомневался, стоит ли об этом говорить, но всё же хотел поделиться. — Когда я читал эту книгу вслух, у меня... снова было два голоса.

— Два сердца, два голоса. — Сестра покосилась на брата. — Папа тебя точно убьёт.

На вечерней молитве мальчик отсутствовал. За это он, естественно, был сурово наказан. Отец хотел, чтобы его семья была примером для всех горожан: дружная, крепкая, богобоязненная. То, что домочадцы его боялись, жена однажды собиралась уйти, а сын пошёл против

его веры, Севириан Рифф тщательно скрывал. Однако такие вещи в Кросселе утаить было невозможно. Дурная молва оплетала эту семью, как плющ опутывает забор. Главным образом за счёт маленького Келлина, который «прославил» свою семью тем, что напугал сверстников, повиснув в воздухе и говоря несколькими голосами одновременно.

Было это в день летнего солнцестояния. Дети играли на опушке леса возле поросшего мхом мегалита. Место считалось нехорошим и было для детей под запретом, но, как и всё запретное, тянуло к себе маленьких сорванцов. Дети в тот день забирались на мегалит и прыгали с него, крича в воздухе придуманные ими слова, выдавая их за заклинания.

Келлин прыгал наравне со всеми и во время пятого или шестого прыжка обнаружил, что его ноги не достигли земли. Он огляделся и заметил раскрытые рты товарищей. Потом его голова закружилась, и мальчик потерял сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.